

Қазақстан Республикасы
Ғылым және жоғары білім министрлігі

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты

ОТАН ТАРИХЫ

2026. Т. 29 (2)

ISSN 1814-6961
E-ISSN 2788-9718

- ТАРИХ
- ЭТНОЛОГИЯ
- АРХЕОЛОГИЯ

ОТАН ТАРИХЫ

2026. Т. 29 (2)

ISSN: 1814-6961 (print)
ISSN: 2788-9718 (online)

Отан тарихы
Отечественная история
History of the Homeland

Үш айда бір рет шығатын ғылыми журнал
2026. Т. 29 (2)

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 2. Pp. 642–694
Journal homepage:
<https://otan.history.iie.kz>

МРНТИ / FTAMP / IRSTI 03.61.91

https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_2_642-694

ОДЕЖДА КАЗАХОВ-КОЧЕВНИКОВ (XVIII – ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ)⁷

Нурсан Алимбай

Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова
(ул. Шевченко 28, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
кандидат исторических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0002-6122-8741>. E-mail: burgan555@gmail.com

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026

© Алимбай Н., 2026

Аннотация. *Введение.* Костюм казахов-кочевников в своих конструктивных, стилевых и функциональных особенностях, а также с точки зрения используемых материалов сложился как неотъемлемая часть многовековой стратегии природопользования кочевников в экстремальных природных условиях степной экосистемы. В таком качестве одежда выступает и как «инструментальный» компонент (предмет, средство, объект) традиционных социальных отношений. *Цель исследования* – комплексное изучение традиционной одежды казахов, являющейся одним из составляющих жизнеобеспечивающей системы кочевого социума. *Задачи.* Для ее реализации анализируются следующие структурообразующие аспекты темы: головные уборы (бас киім), верхняя одежда (сырт киім, тыс киім), нательная одежда (бой киім, іш киім), поясная одежда (бұт киім) и обувь (аяқ киім). Эти вопросы изучаются в половозрастном разрезе (мужском, женском, детском). При этом учитывались и повседневный и праздничный виды указанного состава одежды. В историографии проблемы впервые исследуется экология различных видов и типов народного костюма, изучение которой в контексте кочевого социума выступает одним из генерализующих направлений исследования. *Материалы и методы.* Источниковая база исследования включает четыре группы: музейные артефакты, фотодокументы, материалы этнографических экспедиций и сведения из дореволюционных российских изданий. Их сопоставительный анализ позволил реконструировать экологические условия бытования одежды, технологии кроя и шитья, особенности ношения, а также половозрастные и региональные различия. Исследование основано на контекстуальном подходе и факторном анализе, что позволило выявить взаимосвязь между природно-хозяйственными и социокультурными условиями и составом, материалами, покроем и сезонными способами ношения кочевнической одежды. *Результаты.* Аналитическая характеристика таких этнически характерных конструктивных особенностей основных видов одежды, как капюшонообразный характер большинства головных уборов, тымақ, күләпара, кимешек и др., туникообразный покрой всех видов верхней и нательной одежды, поясная одежда с низкой мотней на

⁷ Выражаю искреннюю благодарность многоопытному научному сотруднику Бейбиткали Смагулулы Какабаеву, оказавшему большую помощь в сборе необходимых сведений, а также давшему ценную консультацию – авт.

широком шагу, старинный тип сапогов – саптама етік, мықшима етік и др., содержится в основной части статьи. Речь идет о таких системо- и смыслообразующих аспектах проблематики, как покрой и фасон, сезонные способы ношения одежды и т.д. Существенным дополнением к этому «срезу» проблематики является та часть статьи, в которой на конкретных фактах представлены экологически характерные материалы для пошива того или иного вида одежды. Важными аспектами темы также являются социальные функции и цветосимволика одежды, изучение которых в статье уделено особое внимание. *Вывод.* Подробное изучение вышеотмеченных узловых вопросов с точки зрения жизнеобеспечивающих и социальных функций соответствующих видов костюма позволило сделать вывод о том, что практически все виды верхней одежды и обуви кочевников экологически обусловлены, мотивированы и в хозяйственном отношении. Поэтому они обладали характерными термоаккумулирующими, теплоизолирующими и терморегулирующими свойствами. В структуре социальных отношений одежда также выполняла и разнохарактерные коммуникативные, институциональные, социомаркирующие, а в сфере межэтнических – этнодифференцирующие и этноинтегрирующие функции.

Благодарность. Статья написана в рамках выполнения ФНИ BR31715053 «Междисциплинарное исследование истории казахов зарубежья: основные этапы формирования, личности, культура и традиции».

Ключевые слова: Кочевое общество, система жизнеобеспечения, традиционная одежда, экология, головные уборы, саукеле, шекпен, верхняя одежда, поясная одежда, обувь.

Для цитирования: Алимбай Н. Одежда казахов-кочевников (XVIII – первое десятилетие советской власти) // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 2. С. 642–694. [На рус.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_2_642-694

КӨШПЕЛІ ҚАЗАҚТАРДЫҢ КИІМ-КЕШЕГІ (XVIII – СОВЕТТІК КЕЗЕҢНІҢ АЛҒАШҚЫ ОНЖЫЛДЫҒЫ)

Нұрсан Әлімбаев

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көш., 050010, Алматы, Қазақстан Республикасы)
тарих ғылымдарының кандидаты, профессор
<https://orcid.org/0000-0002-6122-8741>. E-mail: burgan555@gmail.com

© Ш.Ш. Уәлиханов ат. ТЭИ, 2026

© Әлімбаев Н., 2026

Аңдатпа. *Kіріспе.* Қазақтың дәстүрлі киімдері өзінің құрылымдық, функционалдық, стильдік ерекшеліктері тұрғысынан, сондай-ақ қолданылған материалдардың сипаты жағынан далалық экожүйенің ресурстарын сан ғасырлық игеру стратегиясының құрамдас бөлігі ретінде қалыптасты. Осы тұрғыдан алғанда киімді дәстүрлі әлеуметтік қатынастар жүйесінің «инструменталдық» компоненті (яғни нысаны, құралы, объектісі) ретінде де қарастырған жөн. *Зерттеу мақсаты* – социумның тіршілікқамы жүйесі компоненттерінің бірі болып табылатын киімді кешенді түрде зерттеу. *Міндеттер.* Мақаланың аталмыш мақсатын жүзеге асыру үшін оның төмендегідей бас киім, сырт киім, тыс киім, бой киім, іш киім, бұт киім және аяқ киім сияқты аспектілері талданылады. Киімнің мұндай құрамы ең алдымен социумның мүшелерінің ер адам, әйелдер, балалар сынды категорияларының киім кию ерекшеліктері тұрғысынан қарастырылады. Осы мәселені тиянақты зерделеу мақсатында киімнің күнделікті және мерекелік-ғұрыптық сәттерде киілетін түрлері де ерекше ескерілді. Осы тұста ерекше екішеп айтар жайт – мақалада арнайы қарастырылып отырған тақырыптың экологиялық аспектісі зерттеудің өзекті бағыты болып табылады. *Материалдар мен әдістер.* Зерттеудің дереккөздері төрт топқа бөлінді: музей жәдігерлері, фотоқұжаттар, этнографиялық экспедиция материалдары және революцияға дейінгі Ресей басылымдарының мәліметтері. Осы деректерді салыстырмалы талдау көшпелі киімнің экологиялық жағдайларын, пішу және тігу технологиясын, кию ерекшеліктерін, сондай-ақ жыныстық-жастық және аймақтық айырмашылықтарын анықтауға мүмкіндік берді. Зерттеуде контекстік тәсіл мен факторлық талдау қолданылып, табиғи-шаруашылық және әлеуметтік-мәдени жағдайлардың киімнің құрамы,

материалы, пішімі мен маусымдық қолданылуымен байланысы айқындалды. *Нәтиже.* Мақаланың негізгі бөлігі көшпелілердің сыртқы пошымы капюшон тәрізді тымақ, күләпара, кимешек және т.б. және кебенекше ойып пішілген сырт киім, бой киім, іш киім, ауы мол тігілген шалбар, дамбал, сондай-ақ ежелден пайдаланылып келген саптама етік, мықшима етік және осы құралыптас басқа да аяқ киімдердің түрлерін зерделеуден тұрады. Осы ретте осы киімдердің экологиялық тұрғыдан да, этникалық жағынан да ерекшеліктерін айғақтайтын пішім, фасон, киім киюдің мерзімдік әдіс-тәсілдері сияқты аспектілерін зерттеуге айырықша көңіл бөлінетіндігі мақаланың өзіндік ерекшелігі болып табылады. Осы аспектінің нақты тарихи деректер, соның ішінде әсіресе музейлік артефактілер негізінде зерттелінуі мақалаға соны сипат береді әрі зерттеудің жоғарыда аталған негізгі бөлігін едәуір толықтыра түседі. Сонымен бірге ұсынылып отырған зерттеуде киімнің әртүрлі әлеуметтік функциялары мен реңк символикасы да арнайы қарастырылады. *Қорытынды.* Сонымен мақаланың деректік негізі мен негіздемесін құрайтын сан алуан мәліметтерге сүйене отырып, қазақтың дәстүрлі киімінің жоғарыда аталған бас киім, сырт киім, тыс киім, бой киім, іш киім, бұт киім және аяқ киімнің қолданысқа енуінің экологиялық және шаруашылық сынды факторлары талданылды. Нәтижесінде бұлардың әрқайсысының архитектурасының, пішімінің, пайдаланылу әдіс-тәсілдерінің экологиялық ортаға бейімделуінің жарқын көрінісі екендігі тарихи-этнографиялық тұрғыдан дәлелденді. Сондай-ақ киімнің қоғамдық қатынастың сан деңгейлі, сан бағытты жүйесінде коммуникативтік, институционалдық, әлеуметтік айғақтау, сонымен бірге этносаралық байланыстар саласында этникалық айғақтау әрі этникалық кіріктіру функцияларын атқаратындығы жөнінде тұжырым жасалды.

Алғыс. Мақала BR31715053 «Шет елдердегі қазақтардың тарихын пәнаралық зерттеу: қалыптасудың негізгі кезеңдері, тұлғалар, мәдениет және дәстүрлер» ІҒЗ жобасы аясында жазылды

Түйін сөздер: көшпелі қоғам, тіршілікқамы жүйесі, дәстүрлі киім-кешек, экология, бас киімдер, сәукеле, шекпен, сырт киім, бұт киім, аяқ киім

Дәйексөз үшін: Әлімбаев Н. Көшпелі қазақтардың киім-кешегі (XVIII – советтік кезеңнің алғашқы онжылдығы) // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 2. 642–694-бб. [орыс.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_2_642-694

CLOTHING OF THE NOMADIC KAZAKHS (18TH CENTURY – THE FIRST DECADE OF SOVIET RULE)

Nursan Alimbay

Institute of History and Ethnology named after Ch.Ch. Valikhanov

(28 Shevchenko Street, Almaty)

Candidate of Historical Sciences, Professor

<https://orcid.org/0000-0002-6122-8741>. E-mail: burgan555@gmail.com

© IHE after Ch.Ch. Valichanov, 2026

© Alimbay N., 2026

Abstract. Introduction. The clothing of Kazakh nomads in terms of its design, style, and functionality, as well as the materials used has evolved as an integral part of the nomads' centuries-old strategy for utilizing natural resources in the extreme environmental conditions of the steppe ecosystem. In this capacity, clothing also serves as an “instrumental” component (an item, a means, an object) of traditional social relations. *The purpose of this study* is to conduct a comprehensive examination of traditional Kazakh clothing, which constitutes one of the components of the subsistence system of a nomadic society. Objectives. To achieve this, the following structural aspects of the topic are analyzed: headwear (bas kiim), outerwear (syrt kiim, tys kiim), undergarments (boy kiim, ish kiim), waistwear (but kiim), and footwear (ayak kiim). These issues are examined by gender and age group (men, women, and children). The study takes into account both everyday and festive versions of the aforementioned clothing ensembles. This is the first time in the historiography of the subject that the ecology of various types and styles of folk costume has been examined, studying this in the context of nomadic society represents one of the overarching research directions. *Materials and Methods.* The source base comprises four groups: museum artifacts, photographic records, ethnographic expedition materials, and data from pre-revolutionary Russian publications. Their comparative analysis made it possible

to reconstruct the environmental context of clothing, tailoring and sewing techniques, wearing practices, and gender-, age-, and regional-specific features. The study employs a contextual approach and factor analysis to identify relationships between environmental, socio-economic, and cultural conditions and the composition, materials, cut, and seasonal use of nomadic clothing. *Results.* An analytical description of the ethnically distinctive design features of major types of clothing, such as the hood-like nature of most headwear, the tymak, kulepara, kimeshek, and others, the tunic-like cut of all types of outerwear and undergarments, belted garments with a low waistline and wide leg openings, and traditional types of boots - saptama etik, mykshima etik and others, is presented in the main body of the article. This refers to such fundamental and defining aspects of the subject as cut and style, seasonal ways of wearing clothing and so on. A significant addition to this “perspective” on the subject is the section of the article that uses specific examples to present environmentally friendly materials suitable for making various types of clothing. The social functions and color symbolism of clothing are also important aspects of the topic, and the article devotes special attention to their examination. *Conclusion.* A detailed examination of the key issues mentioned above, from the perspective of the life-sustaining and social functions of the relevant types of clothing, led to the conclusion that virtually all types of outerwear and footwear worn by nomads possessed heat-retaining, heat-insulating, and thermoregulatory properties. Therefore, they were ecologically determined, motivated, and economically justified. Within the structure of social relations, clothing also performed diverse communicative, institutional, and socio-marking functions, and in the sphere of interethnic relations, it served ethno-differentiating and ethno-integrating functions.

Keywords: Nomadic society, subsistence system, traditional clothing, ecology, headwear, saukele, shekpen, outerwear, waistwear, footwear.

Acknowledgments. This article was written as part of fundamental research project BR31715053 “Interdisciplinary research of history of Kazakhs living abroad: main stages of formation, personalities, culture and traditions”.

For citation: Alimbay N. Clothing of the nomadic Kazakhs (18th century – the first decade of soviet rule) // Otan tarihy. 2026. Vol. 29. № 2. Pp. 642–694. [in Rus.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_2_642-694

Введение. Органическая и непосредственная включенность одежды в структуру отношений потребления в кочевой среде в качестве одного из основных объектов, предметов, средств, в известном смысле, и каналов их реализации делает ее одним из важнейших элементов системы жизнеобеспечения кочевников. Последнюю же, как известно, образуют наряду с одеждой, поселение, жилище, домашний интерьер, утварь, народная медицина, этнозоотехния, этноветеринария и комплекс традиционных знаний (календарные, астрономические, метеорологические, метрорологические, ботанические, зоологические) и т.д. [Алимбай, Муканов, Аргынбаев, 1998: 3–109]. Связи между ними скорее не структурные, а функциональные, поскольку опосредуются человеческой деятельностью – в социально-экономически необходимых взаимообусловленных связях они находятся лишь в процессе своего реального функционирования в сфере конкретной трудовой деятельности. Поэтому можно сказать о жизнеобеспечивающей системе этноса, в нашем случае кочевого, как о функционально интегрированной системе ее составляющих. Именно в своем софункционирующем состоянии отмеченные компоненты жизнеобеспечивающей системы этноса образуют необходимые материально-технологические условия и средства осуществления социально целеполагающей деятельности, непосредственно направленной на создание минимума жизненных благ [Элимбай Н. 2009: 10]. Одежда же, выполняя функцию защиты человеческого организма от непогоды, в своем софункционирующем состоянии с другими компонентами системы жизнеобеспечения, выступала в качестве одного из эффективных универсальных условий и факторов, а также средств рациональной организации социальной жизни, хозяйства и быта кочевников.

Материалы и методы. Основные источники изучения обозначенной в заглавии статьи темы сгруппированы в четыре типологических ряда: в первую группу образуют музейные артефакты; вторую – фотодокументы; третью – материалы этнографических экспедиций; четвертую – соответствующие сведения из различных досоветских российских изданий. В собраниях отечественных музеев, главным образом Центрального государственного музея РК (далее – ЦГМ РК), представлены практически все виды казахской традиционной одежды, состоящие в общей сложности из более чем 400 единиц хранения. В этом отношении особый интерес также представляют фондовые и экспозиционные материалы двух российских музеев – Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (г. Санкт-Петербург, Россия) (далее – Кунсткамера) и Российского этнографического музея

(г. Санкт-Петербург, Россия) (далее – РЭМ). Их коллекций насчитывают соответственно 100 ед. хр. и около 400 ед. хр. Среди них – уникальные образцы тех или иных видов народного костюма казахов, которые не имеют аналогов даже в отечественных музеях. В научно-познавательном плане ничем не заменимым дополнением этому богатейшему собранию вещных артефактов выступают современные им фото- и изобразительные материалы, в первую очередь С.М. Дудина (Кунсткамера, Санкт-Петербург, Россия) [Прищепова 2011], произведения художников П.М. Кошарова (Кунсткамера, Санкт-Петербург, Россия) [Абрамзон 1953], В.А. Плотникова (РЭМ, Санкт-Петербург, Россия) [Бежкович, 1953], фотоколлекции Л.К. Полторацкой (РГО, Санкт-Петербург, Россия) [[Полторацкая](#), 1879], А. Померанцева (Кунсткамера, Санкт-Петербург, Россия) [Прищепова, 2012] и П.С. Лейбина («Альбом Фольбаума» 1913, Национальная библиотека РК, г. Алматы), а также фотосъемки, выполненные в ходе экспедиции под руководством С.И. Руденко среди казахов западных и северо-западных регионов Казахстана в 20-е гг. XX в., и др. [Руденко, 1930]. В этом ряду источников особняком выделяются этнографические материалы экспедиционных обследований различных регионов Казахстана в течение второй половины 40–60 гг. прошлого столетия [Сабитов, 1946: 116–118; Жиренчин, 1948: 79–80; Корбе, 1950: 37–46; Сабитов, 1950: 71–76; Корбе, Махова, 1952: 39–53; Сабитов, 1952: 89–94; Сабитов, 1953: 196–200; Захарова, 1956: 105–189; Востров, 1957: 94–105; Русайкина, 1957: 54–57; Захарова, 1959: 3–18; Аргынбаев, Захарова, 1961: 92–118; Аргынбаев, 1962: 138–167; Захарова, Ходжаева, 1962: 35–53; и др.].

В контексте обозначенных цели и задач статьи безусловно особый интерес представляет и следующая группа источников – труды досоветских исследователей Казахского края, прежде всего, П.И. Рычкова [Рычков, 1762а; Рычков, 1762б], П.С. Палласа [Паллас, 1778], И.Г. Георги [Георги, 1799], Х. Барданеса [Барданес, 2007], Г. Спасского [Спасский, 1820, Ч. 9; Спасский, 1820, Ч. 10], П. Фалька [Фальк, 1824], А.И. Левшина [Левшин, 1832], С.Б. Броневского [Броневский, 1830, № 117; Броневский, 1830, № 120; Броневский, 1830, № 120], И.И. Крафта [Крафт, 1900], из числа ученых более позднего времени Ч.Ч. Валиханова [Валиханов, 1904; Валиханов, 1984], А.Н. Седельникова, А.Н. Букейханова, С.Д. Чадова [Седельников, Букейханов, Чадов, 1903] и др. Сопоставительный анализ (сопоставительный метод) этих типологических рядов источников позволяет реально представить экологию, технику кроя и шитья, манеру ношения, а также половозрастные и региональные особенности тех или иных видов одежды. При изучении этих источников применялся контекстуальный подход, призванный определить социальный, социокультурный, хозяйственно-экономический, экологический и т. д. условия, обстоятельства и ситуации бытования кочевнической одежды в разрезе ее состава, материала и покроя, а также сезонных способов ношения. Общеизвестно, что данный метод реализуется посредством факторного анализа. В свою очередь эвристический потенциал последнего раскрывается путем выстраивания причинно-следственных связей между условиями (обстоятельствами), с одной стороны, с другой – способами (формами) бытования предметов, в нашем случае тех или иных видов одежды. Заметим, что изучение проблемы с точки зрения причинно-следственных связей ее составляющих является главным условием эффективного применения системного подхода. Так же использовались структурный и функциональный методы при безусловном примате последнего. Такое эпистемологическое положение объясняется тем, что функция любого предмета в конечном счете выступает основным фактором формирования его архитектоники.

Обсуждение. Следует отметить, что историография вопроса удовлетворительно представлена в совместной монографии И.В. Захаровой и Р.Д. Ходжаевой [Захарова, Ходжаева, 1964: 6–32]. Хронологический диапазон данной части их исследования довольно широк – охватывает практически весь досоветский историографический период и завершается началом 60-х гг. прошлого столетия. Это обстоятельство освобождает автора настоящей статьи от необходимости специального историографического разбора опубликованных в отмеченном временном отрезке разноформатных исследований по обсуждаемой теме. Сосредоточимся на историографической характеристике самой монографии этих исследователей. Прежде всего отметим ее богатую источниковую базу, включающую в себя материалы организованных ими многолетних этнографических экспедиций (вторая половина 50-х – начало 60-х гг. XX в.) в различные регионы республики. Были использованы музейные коллекции как отечественных (главным образом ЦГМ РК), так и двух российских музеев (Кунсткамера и РЭМ), а также содержащиеся в досоветских российских изданиях соответствующие сведения. Однако по неизвестным нам причинам этнографические материалы различных изданий 20–30-х гг. прошлого столетия оказались вне поля зрения исследователей. В качестве еще одного

очевидного достоинства обсуждаемой монографии заслуживает быть особо отмеченной ее хорошо продуманная структура. Она составлена таким образом, что каждый ее подраздел имеет не только самостоятельную научно-познавательную ценность, но и способствует пониманию другого. Можно сказать, что такая структура, в сущности, является методологической программой организации и интерпретации материала в таких узловых аспектах, как состав, покрой, жизнеобеспечивающие функции тех или иных видов одежды. При этом значительно меньше освещались хозяйственно-экологически мотивированные причины «необычных», на первый взгляд, покроев отдельных кочевнически характерных видов одежды, в частности, верхней и поясной, а также обуви. К примеру, в целях научно обоснованного изучения разнонаправленных жизнеобеспечивающих функций одежды в различное время года очень важно выяснить первопричину т. н. «многослойного» ношения ряда типов верхней одежды, а также мотивы пошива такого весьма специфического типа поясной одежды, как штаны (*күдері шалбар, тері шалбар, жарғақ шалбар* и т. д.) с низкой мотней на широком шагу и т.д. Между тем до сих пор остается не разработанными экологически обусловленные, хозяйственно мотивированные способы покроя и ношения тех или иных видов одежды, которые актуализируются особенно в контексте необходимости изучения традиционного опыта природопользования казахов в широкой научно-познавательной перспективе. Отметим, что материалы книги И.В. Захаровой и Р.Д. Ходжаевой в сокращенном варианте с небольшими изменениями и дополнениями были помещены в вышедшей в 1995 г. коллективной монографии отечественных ученых [Казахи, 1995:140–163].

Из числа современных исследований по обсуждаемой теме следует отметить небольшие научные разработки таких российских ученых, как Л.Ф. Попова, И.В. Стасевич [Попова, Стасевич, 2011: 604–627; Попова 2021: 411–442] и И.В. Стасевич [Стасевич, 2023: 108–112]. Характерно, что эти исследования создавались на основе имеющихся аннотаций к хранящемуся в фондах РЭМ и Кунсткамеры тому или иному виду казахской одежды. Заслуживает быть особо отмеченным подготовленный сотрудниками ЦГМ РК научно-инвентарный каталог «Традиционная одежда казахов» [Традиционная одежда казахов, 2009: 344]. Аннотированный на трех языках (каз., англ., рус.) данный труд значим особенно в источниковедческом отношении.

Экологические аспекты. Традиционная одежда казахов сложилась как одна из составляющих системы жизнеобеспечения кочевников – исконных жителей степного пространства Евразийского континента. Последний, как известно, отличается экологически достаточно жесткими доминантными характеристиками [Рябинин, 1905а: 104–127; Рябинин, 1905б: 242–272; Крашенинников, 1925; Швецов, 1926: 93–105; Ищенко, Казбеков, Ларин, Щелоков, 1928; Мацкевич, 1929; Федорович, 1950; Барминцев, 1958: 36–131; Руденко, 1961: 2–15; Арғынбаев, 1969: 6–13; Толыбеков, 1971: 519–593; Масанов, 1995; и др.). Максимально адаптированная к таким условиям отмеченная жизнеобеспечивающая система, в сущности, представляет собой основной технологический механизм эксплуатации жизненно важных ресурсов степных, полупустынных и пустынных зон Центрально-Азиатско-Казахстанского региона. В этом смысле она также является механизмом функционирования многовековой стратегии природопользования у кочевников. Безусловно, одним из системообразующих направлений (одновременно и элементом) многовекового процесса хозяйственно-экологической адаптации кочевников к доминантным ландшафтно-климатическим характеристикам степных зон Центральной Азии было выведение особых пород таких видов домашних животных, как лошадь, овца, верблюд и крупный рогатый скот [Брэм, 1891: 360; Добросмыслов, 1895: 4, 12–24, 39–44, 76–85, 87–91, 119–123, 169–173, 176–185, 215–225; Букейханов, 2018а: 63–120; Букейханов, 2018б: 227–249; Добржанский, Лус, Медведев, 1927: 95–96; Раушенбах, Журавлева, 1938: 9, 30–39; Потапов, 1949: 43–70; Арғынбаев, 1969: 14–27; Әлімбай, Қақабаев, Смағұлов, 2024: 832–837]. Эти виды у казахов традиционно имеют обобщенное название «*төрт түлік*» (примерно – «четыре вида скота»). «Төрт түлік» вкупе с круглогодично эксплуатируемой общинно-родовой территорией представляет собой и как объект, и как средство (предмет) хозяйственно-культурной деятельности кочевников. Свойственный только кочевничеству такой экологически обусловленный, экономически мотивированный способ ухода и содержания скота достаточно удовлетворительно объясняет непосредственную включенность номадов в окружающую природную среду. Это обстоятельство в конечном счете и предопределило структурную особенность и функциональное назначение всех составляющих жизнеобеспечивающей системы у кочевников, в особенности одежды [Алимбай, Муканов, Арғынбаев, 1998: 85–87].

Традиционную одежду казахов с точки зрения ее материала, покроя и даже шитья, а также сезонных способов ношения (как, впрочем, и другие составляющие жизнеобеспечивающей системы) следует рассматривать в качестве одного из выдающихся результатов многовековой адаптации кочевников к суровым ландшафтно-климатическим условиям естественной среды обитания. Необходимость адаптации к жестким доминантным характеристикам экосреды означает процесс сложения потребности всего этнического коллектива к выработке адекватного социального механизма и соответствующих жизнеобеспечивающих средств и технологий природопользования. Следовательно, именно адаптивно-адаптирующая деятельность кочевников, понимаемая как антропогенный фактор, сыграла решающее значение в сложении кочевничества с его максимально приспособленной к суровым требованиям природного окружения жизнеобеспечивающей системой. Это означает, что одежда вкупе с другими жизнеобеспечивающими средствами и предметами хозяйственно-культурной деятельности в кочевой этноэкосистеме выполняла и адаптирующую функцию, то есть функцию адаптации ресурсного потенциала естественной среды обитания к хозяйственным нуждам казахов⁸. Так сложилась у казахов-кочевников экологически, хозяйственно-экономически, а также социокультурно хорошо продуманная рациональная система сезонного распределения и использования пастбищных угодий общинно-родовой территории [Алимбай, 2020: 7–8; Алимбай, 2024: 269–270]. В этом смысле жизнеобеспечивающую систему, в том числе и одежду, следует отнести к числу основополагающих компонентов веками сложившейся стратегии природопользования у кочевников-казахов. Отсюда следует, что одежда кочевников выступала в качестве одного из фундаментальных факторов экологически обусловленных, хозяйственно необходимых отношений с природным окружением. В то же время являлась одним из универсальных средств организации и социальных отношений в обществе. Экологически детерминированная, хозяйственно-культурно мотивированная потребность номадов обуславливала сложение особого типа одежды, которая по своим жизнеобеспечивающим параметрам и качествам полностью соответствовала всем условиям и вызовам аридных и субаридных зон Центральной Азии, в том числе и Казахстана. Поэтому практически все виды одежды кочевников, особенно верхние, экологически весьма характерны. Это обстоятельство, в первую очередь, проявлялось в материалах, покрое, технологии шитья и способах сезонного пользования одеждой и т.д.

Материалы. В условиях кочевого образа жизни самыми доступными и распространенными материалами для изготовления одежды служили шерсть (верблюжья, овечья, козья) и шкуры домашних животных. Даже сухожилия таких животных как лошадь, крупный рогатый скот и верблюды, шли на заготовку особо прочных нитей «*тарамыс*», используемых для пошива некоторых видов верхней и поясной одежды (нагольная шуба, крытая шуба, замшевые и кожаные штаны и т.д.), а также ряда хозяйственных и бытовых предметов (в частности, элементов конского снаряжения, саба, торсык и т.д.). Активно использовались меха и шкуры и таких диких животных, как волк, корсак, джейран, кулан, сайгак, марал и др. Высокоценные кочевниками меха пушных зверей – пушнина использовалась при изготовлении престижных шубных изделий, а также некоторых дорогих видов головных уборов (Қақабаев, 2017, 4-т.: 289–290). Из шерсти и шкур вырабатывались замша (*күдері*), различные виды кожи (*былғары*), специально валяный тонкий прочный войлок, домотканное сукно (*шекпен*) и др., которые особенно широко использовались для пошива соответствующих видов одежды, прежде всего хозяйственно-бытового назначения. Отметим, что ткачество в кочевой среде практиковалось преимущественно для тканья сукна, называемого у казахов *шекпен* [Рис. 1], для пошива не только самой распространенной у кочевников верхней одежды под таким же названием, но и нижней одежды, такие как рубахи, *дамбал* и т.д. В последнем случае использовались специально пряденные из тонких нитей сукна. Для изготовления же хозяйственно-бытовых изделий применялись специальные виды *шекпен*, вытканые из более толстой пряжи. Эту материю ткали из пряденой в нити верблюжьей и овечьей шерсти на сборно-разборных узконовойных станках, называемых у казахов *өрмек*. (Данная пряжа, предназначенная для ткачества, производилась тем же способом, что и остальные виды пряжи, о чем будет сказано ниже).

⁸ Термин «этноэкосистема» применяется российским ученым-этнологом И.И. Крупником для научного моделирования традиционной системы природопользования у коренных жителей Арктики [Крупник, 1989: 272].

Рис. 1. Образец ткани шекпен. Лепсинский у., Семиреченская обл. Дл. 230 см, ширина 20 см. От К.Н. де Лазари, поступление 1898 г. МАЭ РАН, инв. № 410-4

Ширина изготавливаемого полотна составляет примерно в пределах 15,5–20 см. (из коллекции Кунсткамеры. Инв. № № 410–1; 410–2; 410-3; 410-4; 410-5)⁹. Отметим, что казахскими мастерицами ткались различные сорта сукна. Известная в некоторых досоветских российских публикациях под названием *армячина* (от каз. «өрмек») [Чудинов, 1910: 676] эта ткань, по свидетельству ряда авторов, характеризуется повышенными жизнеобеспечивающими свойствами. Наиболее характерно в этом отношении следующее сообщение анонимного автора, по всей вероятности непосредственно участвовавшего в завоевательных кампаниях казачьих войск на территории Туркестанского края в 60-е годы XIX в.: «...из всех материй, производившихся местными жителями, более всех удовлетворяла нужным требованиям [казачьих войск] ткань из верблюжьей шерсти... «чакман» (*шекпен*), прозванная русскими «армячина» [Заметки по производительности..., 1872: 22–23]. Опыт доказал, пишет далее автор, что «... однообразные рубахи – косоворотки с плечевыми погонами из армячины очень удобны. Качества описываемой материи как раз отвечают обыденной и походной службой костюма казака: армячина прочна, не марка, отлично предохраняет тело от солнечного припека, ...не пропускает пыли и трудно продувается ветром. Служба такой рубахи при постоянной носке, продолжается до 2–2,5 лет...» [Заметки по производительности..., 1872: 23, 24]. Благодаря «перечисленным качествам востребованность армячины стала настолько высока, что и офицеры «стали себе делать из нее походные рубашки-косоворотки с погонами». Автор объясняет это тем, что «...ее плотность, и чистота работы и тонкости весьма замечательны, так что рубашка, сшитая из такого материала, далеко не лишена красоты...» [Заметки по производительности..., 1872: 24]. Достаточно высоко (в терминологии автора «чрезвычайно») оценивает произведенную казахскими женщинами армячину и другой автор – известный путешественник-исследователь И.Я. Словцов, посетивший промышленную выставку, организованную в 1876 г. в г. Кокшетау по инициативе военного губернатора Акмолинской области В.С. Цытовича (1871–1882 гг.): «образцы армячины, предназначенной для халатов (имеется в виду шекпен – *авт.*) и *қан* (мешков) были выставлены чрезвычайно высокого качества. Шерсть в армячине увеличивает свою ценность, против рыночной ценности почти в пять раз; а потому и производство это составляет для киргиз выгодную статью дохода» (Словцов, 1897: 71; Захарова, Ходжаева, 1964: 30). По этой причине, как пишет, казахский ученый-этнограф Х. Аргынбаев, «...армячина из верблюжьей шерсти казахской работы была широко распространена среди всех групп русского населения [Восточного Казахстана], особенно среди казаков. Из нее шили в основном верхнюю мужскую одежду» [Аргынбаев, 1962: 163]. Далее автор, основываясь на материалах статьи Г.Н. Потанина [Потанин, 1861: 5], сообщает, что «во второй половине XIX в. армячина вывозилась из Казахской степи даже в пределы Томской губернии»

⁹ По этому поводу И.В. Захарова и Р.Д. Ходжаева в своей совместной монографии оперируют другими данными, согласно которым, ширина домотканного сукна (шекпен) составляет с 35 по 40 см. В обоснование достоверности этих сведений авторы утверждали, что «казахи ткали на примитивных горизонтальных станках (*өрмек*), на которых можно было сделать только узкую полосу шириной в 35–40 см» [Захарова, Ходжаева, 1964: 29]. Однако эти сведения источниковедчески не подтверждаются.

[Аргынбаев, 1962: 163]. Такая востребованность казахской армячины и среди населения сопредельных с Казахстаном территорий России, очевидно, объясняется ее высоким качеством¹⁰. И не только. В ряду таких высокоценных изделий за пределами Степного края заслуживает быть отмеченным и качественно выделанные кожи казахского домашнего производства. Как сообщает известный османский историк XVI в. Сейфи Челеби: «Казахские (в тексте оригинала «казак» – авт.) «... кафтаны сделаны из овечьей кожи, они окрашиваются в разные цвета и становятся похожими на атлас. Их привозят в Бухару, где продают по той же цене, что и кафтаны из атласа, настолько они изящны и красивы. У них есть также удивительные накидки, сделанные из той же овечьей кожи. Они совершенно непромокаемы и не боятся сырости; это происходит от свойства некоторых растущих там трав, которые служат для обработки кожи»¹¹. Отметим, что для покраски и обработки изделий из шерсти (а также и кожи) использовались красители, получаемые из местного минерального и растительного сырья. Казахские мастера для получения красителей использовали более 50 видов растений местной флоры и минералов (охра, медный купорос, известь, мел и т.д.) При изготовлении особо престижной одежды также применялись и дорогие привозные красители, такие, как кошениль (*қырмызы, асылрең*), индиго (*ніл*) и т.д. [Киреевский, 1874: 297; Бродовский, 1875: 99; Краузе, 1872: 206–213; Рубцов, 1934: 19, 21–25; Павлов, 1935: 1–43; Павлов, 1947: 552].

Особо ценилась естественно свалывшаяся шерсть двугорбого верблюда в виде войлокообразных кусков по бокам и спинной части животного. Активно использовалась и свойлаченная таким же образом овечья шерсть. Именуемый у казахов «*жабагы жүн*» (букв. плотно сбившаяся шерсть) данный вид шерсти животных формируется в течение шести-семи месяцев в холодное время года. Такая шерсть, особенно верблюжья, характеризуется исключительными терморегулирующими и влагостойкими свойствами. Поэтому шерсть *жабагы жүн*, главным образом верблюда, использовалась в качестве вполне готового материала для изготовления одного из широко распространенных видов зимней верхней одежды «*жабагы күні*» [Захарова, Ходжаева, 1964: 29]. Тем не менее большинство материалов, в особенности высокоценных кочевой знатью дорогих тканей, для пошива одежды, поступали извне. По данным ряда казахстанских исследователей, казахами приобретались у оседлых народов Центральной Азии следующие виды тканей центральноазиатского, персидского, российского, китайского производств: адрас (*адрас*), атлас (*атлас*), бархат (*барқыт, шұға*), падшай (*батсайы*), *биқасап* (*бекасап*), байка (*бәйке*), батист (*бәтес*), бязь (*бөз*), бумазая (*бомази*), даба (*дабы*), *дүрия*, шелковые ткани (*жібек, торқа, торғын, үлде, бүлде, шағи, шәйі*), камка (*қамқа*), дорогая шерстяная ткань красного цвета (*қырмызы*), сукно (*мақпал, мауыты*), парча (*парша, баршын*), плюш (*пүліш, қатипа*), сатин (*сәтен*), серпанка (*сәрпенке*), ситец (*сиса, шыт*), вельвет (*шибарқыт*), *қыжым, ұштан* и т.д. [Материалы для географии..., 1868: 109–113; Батраков, 1958: 19; Захарова, Ходжаева, 1964: 29–33; Ерофеева, Усманова, 2014: 645–650; Қақабаев, 2017, 326–327]. И.В. Ерофеева и Э.Р. Усманова вслед за известным советским исследователем Н.Г. Аполловой отмечают, что номенклатура поступающих в Казахстан тканей в основном предназначалась для удовлетворения нужд потребителей среднего достатка («орта дәулетті адам»). Рассчитанные же для богатых кочевников – ханов, султанов, биев, родовых правителей (*рубасы*) и т.д. – дорогие ткани и меха соболей, чернобурых лисиц, куниц, песцов, бобров, выдр и т.д. завозились в небольшом количестве [Аполлова, 1960: 267, 270–275]. При этом, как верно утверждают исследователи, основываясь на источниках различного происхождения, практически все виды одежды (за исключением престижных видов верхней одежды и обуви) шили казахские мастерицы [Ерофеева, Усманова, 2014: 645, 647]. По их мнению, для шитья предназначенных для кочевой элиты дорогих видов одежды, особенно верхних, использовались, в основном шелковые и металлические нити, дабы, как пишут авторы, «...визуально можно было выделить хана или султана на обозримом расстоянии из группы кочевников и воздать ему почести, подобающие обладателю высокого ранга» [Ерофеева, Усманова, 2014: 644]. Следует отметить, что наиболее дорогие виды верхней одежды, а также сафьяновые сапоги в основном приобретались на рынках ряда стран Центральной Азии, Восточного Туркестана и России.

В зависимости от вида одежды и характера используемого материала для шитья казахами применялись экологически весьма характерные три вида нитей, изготовленных ими самими из

¹⁰ В контексте сказанного следует отметить, что неправы И.В. Ерофеева и Э.Р. Усманова, когда пишут о том, что якобы «...сами казахи-кочевники не производили ткань...» [Ерофеева, Усманова, 2014: 647].

¹¹ Данное извлечение приводится по статье: [Султанов, 2005: 261].

овечьей и верблюжьей шерсти (*шуда жіп*), сухожилий ног крупного рогатого скота и лошадей (*тарамыс*). Спряженные (*жіп иіру*) женщинами ручным веретеном (*ұршық*) шерстяные пряжи наматывались в клубки (*домалақ*). Длина и толщина намотанных в клубки нитей определялась, с одной стороны, характером используемого для тканья материала, с другой – тем или иным видом изготавливаемой одежды. Нить из овечьей шерсти достаточно широко применялась не только для производства домотканного материала и шитья одежды, но и различных видов хозяйственных и бытовых изделий, в особенности в ковроделии. Однако такая пряжа необходимой прочностью и долговечностью не отличалась. Поэтому для шитья постоянно используемых видов одежды, особенно в хозяйственной сфере, преимущественно применялись *шуда жіп* и *тарамыс*. Нить *шуда жіп* изготавливалась из шерсти, состриженной с подплечья, горбов, макушки и шеи двугорбых верблюдов (бактрианов). Такая шерсть называлась *шуда жүн*. Объясняется это тем, что в структуре такой шерсти имелись насыщенные жиропотом длинные (в пределах 10–13 см) остья, визуально напоминающие конский волос [Добросмыслов, 1895: 244; Толыбеков, 1957: 43]. Изготовленные из такой шерсти нити характеризуются прочностью, долговечностью и влагоотталкивающим свойством. Намотанную в несколько клубков нить *шуда жіп* более двух часов (*ет пісірім уақыт*) кипятили в слегка подсоленной воде. Такой способ обработки, именуемый *ширықтыру* или *ширату* (смысловой перевод: «доведение до нужной кондиции»), позволял не только полностью очистить *шуда жіп* от грязи и жира, но и дополнительно придавал пряже необходимую плотность и упругость. По этой причине *шуда жіп*, в отличие от нитей из овечьей шерсти, практически не свойлачивается и не скатывается в комочки. Данный вид нитей применялся для шитья практически любого типа и вида одежды, изготавливаемой из тканого материала и дорогих мехов. Для изготовления другого вида нитей – *тарамыс*, высушенные пучки сухожилий разбивали и теребили до получения необходимой тонины волокон, из которых свивали нити разной толщины (дратва). Нить *тарамыс* применялась в основном для шитья верхней и поясной одежды из шкур животных (*тон, ишік, дақы, тері шалбар, жарғақ шалбар, күдері шалбар и т.п.*). В то же время нить *тарамыс*, вследствие ее таких свойств, как исключительная прочность, пластичность, влагостойкость, а также способность к набуханию при увлажнении, была востребована и при пошиве практически всех традиционных видов обуви.

Покрой и фасон. Костюм номадов с точки зрения конструктивных и стилевых особенностей каждого из его составляющих не претерпел существенных изменений вплоть до господства индустриальных социальных систем. В частности, речь идет о таком его базовом конструктивном элементе, как туникообразный покрой, именуемый у казахов «*кебенекше ойып пішілген*»¹². Правда, туникообразный покрой одежды также был традиционно характерен практически для всех этносов Центральной Азии [Сухарева, 1979: 78]. При этом состав и техника кроя одежды также были во многом схожи особенно с одеждой народов, населявших степную зону Евразийского континента. Поэтому большинство конструктивных элементов костюма имели этимологически близкие названия. Очевидно, это объясняется общей субстратной конструктивной базой одежды этих народов – основу ее изготовления составлял туникообразный покрой [Лобачева, 2006: 63–72]. Вместе с тем отмеченные конструктивные элементы варьировались в зависимости от особенностей среды обитания и типа хозяйственно-культурной деятельности этносов. Пример тому – этнически характерные черты одежды казахов-кочевников (как, впрочем, и в одеждах народов Центрально-Азиатского региона) проявлялись, в первую очередь, в ее экологически детерминированных, хозяйственно мотивированных материалах, покрое и фасоне, а также способах ношения, которые вкупе с декором, особенно в сфере межэтнических отношений выполняли четко выраженную этноидентифицирующую функцию.

При туникообразном покрое стан одежды представлял из себя сложенный вдвое кусок ткани с отверстием для головы на середине сгиба, к верхней части которой под прямым углом пришивались рукава [Лобачева, 1989: 6–9]. По мнению В.Л. Сычева, подобный тип туникообразной одежды в древности сложился в среде со скотоводческим типом хозяйственно-культурной деятельности. Исходным материалом для пошива служил кусок войлока [Сычев, 1977: 39]. Однако следует уточнить, что для этой цели использовался исключительно специально валяный плотный и тонкий войлок. Экологически обусловленная и хозяйственно мотивированная необходимость в отмеченном

¹²Данный термин впервые был зафиксирован известным отечественным этнологом, к.и.н. Досымбеком Катраном в ходе организованной Центральным государственным музеем РК научно-этнографической экспедиции в Шиелинский район Кызылординской области в 2001 г. – *авт.*

выше составе и характере сырьевых материалов, а также их исключительная жизнеобеспечивающая способность в условиях кочевого образа жизни проявлялись в процессе пользования изготовленными из них различных видов одежды как в хозяйственной сфере, так и быту. В качестве примера отметим ряд таких наиболее типичных видов одежды, как *тымақ, күләпәра* (*кулпара, далбай*), *күпі, ішік, тон, шапан, шекпен*, штаны с низкой мотней, *саптама етік* (сапоги с высоким голенищем и широким раструбом) и т.д.

Этноэкологически свойственными покроями, фасонами и стилем ношения характеризуются практически все виды верхней одежды. В этом отношении заметно отличается *шапан* – универсальный тип плечевой одежды, его носили как мужчины, так и женщины и даже дети (начиная примерно с 5 лет). Как верно отмечали И.В. Захарова и Р.Д. Ходжаева, шапан (в терминологии авторов «халат») – «самый распространенный и обязательный» компонент традиционного костюма казахов. Отметим, при этом у казахов-кочевников существовали традиции ношения нескольких шапанов, надетых один на другой. Это отмечали многие российские исследователи-путешественники, посетившие различные регионы Казахского края в XIX столетии. Характерно, что ношение кочевниками нескольких шапанов трактовалось ими как один из способов демонстрации общественного положения и состоятельности человека [Заметки саратовского, 1852: 459; Смирнов, 1892: 7; Вульфсон, 1913: 26; Азиатская Россия, 1914: 154; и др.]. Вот что конкретно пишет об этом известный исследователь традиций казахов-кочевников Э.С. Вульфсон: «В праздник киргизы сверх кафтана надевают не один, а несколько халатов, и чем выше халат — тем дороже; так, например, сначала бумажный, потом суконный, за ним шелковый и так далее. А если у него еще есть халат, пожалованный за какие-нибудь заслуги русским начальством, то поверх всех он надевает и этот почетный халат. Эти наградные халаты бывают трех родов: с позументами, парчовый и бархатный; таким жалованным халатом киргиз очень гордится» [Вульфсон, 1913: 26]. Такую же точку зрения выразили и современные исследователи [Захарова, Ходжаева, 1964: 49; Попова, 2021: 416; и др.].

На мой взгляд, первопричиной сложения традиций многослойного ношения верхней одежды, в особенности, шапана все же был климатический фактор. Это обстоятельство также обусловлено спецификой хозяйственной деятельности. Как известно, климат степной, пустынной и полупустынной зоны Казахстана отличается резкими перепадами температуры и частой сменой погоды даже в течение суток, особенно в период наступления межсезонья – весной и осенью (*Көктемгі күннің бір жағы киіз, бір жағы мүйіз*). Именно в таком временном отрезке годового хозяйственного цикла утренняя прохлада зачастую сменяется теплой погодой, а погодное затишье переходит в неустойчивое состояние, нередко сопровождающееся пронизывающими ветрами и осадками. Пастух же, весь световой день находящийся на пастбище верхом на лошади, часто подвергается всем этим климатическим воздействиям. В этих условиях ношение «одна на другую» нескольких видов верхней одежды (в терминологии исследователей «многослойной») было самым рациональным, особенно весенне-осенний период выпаса, ухода и содержания скота. Заметим, что такая «многослойная» одежда преимущественно состояла из 3–4 шапанов, что объясняется простотой и удобством пользования данным видом верхней одежды, особенно, как уже отмечалось, при внезапной смене погоды. В условиях наступления жары пастух легко снимал верхние «слои» в виде шапанов, а при похолодании надевал обратно. Самый нижний шапан из простой облегающей фигуру хлопчатобумажной ткани был несколько коротким [Захарова, Ходжаева, 1964: 41]. Поверх него надевали более просторный шапан прямого покроя из плотной ткани с подкладкой без утепления. Использовался шапан и без подкладки, называемый «жадагай шапан». Последующий «третьеслойный» шапан из сукна или армячины (шекпен) обычно изготавливался с подкладкой из тонкой ткани. При этом в нем использовалась прокладка из слоя шерсти или ваты. Бытовал и стеганный с утепленной подкладкой шапан с длинными рукавами (*сырма шапан*) [Записки саратовского, 1852: 459; Захарова, Ходжаева, 1964: 46]. Отметим, что в северных, северо-восточных, восточных, центральных и северо-западных регионах в межсезонье (ранняя весна и поздняя осень), характеризующееся холодными погодными условиями, а также нередкими пронзительными ветрами, поверх этих «слоев» одежды надевали *үлкен шапан* (*другое название дәу шапан*) [Рис. 2]. Еще об одном зимнем типе этой одежды, называемом *каба шапан*. Его шили из сукна и бархата с толстым слоем прокладки из верблюжьей и овечьей шерсти. Экологически весьма характерный, хозяйственно мотивированный такой тип шапана отличался просторностью покроя и наличием большого отложного или шалевого воротника [Әлімбаев, 2017, т. 3: 474]. В отсутствие достоверных материалов

по бытованию *қаба шапан*, заманчиво предположить его использование по крайней мере в Северном, Восточном, Центральном и Северо-Западном регионах Казахстана.

Рис. 2. Волостной управитель в *үлкен шапан*. Актюбинская область. Конец XIX в.
Из коллекции Центрального государственного музея РК. Книга поступлений 5731 (далее – КП 5731 ЦГМ РК. КП)

Любопытно отметить и следующее сообщение И.В. Захаровой и Р.Д. Ходжаевой, согласно которому в Северном и Центральном Казахстане бытовали очень длинные и широкие шапаны (*үлкен шапан*), которые в зимнее время надевали поверх тулупа и шубы [Захарова, Ходжаева, 1964: 49]. Однако неподтвержденное как в источниковедческом, так и историко-этнографическом отношении данное утверждение выглядит как догадка авторов. В действительности, в зимнее время казахи-кочевники в процессе осуществления различных трудовых операций по уходу и содержанию скота поверх 2-3 шапанов (либо бешмет, следующий за ним шапан) надевали тулуп или шубу. Об этом в один голос сообщается в трудах ряда досоветских российских исследователей [Смирнов, 1892: 7; Вульфсон, 1913: 26; Азиатская Россия, 1914: 154; и др.).

В контексте сказанного приведем еще один «типичный» пример. Известно, что скотоводу во время выпаса скота в силу производственной необходимости часто приходилось спешиваться и садиться на лошадь (кстати, специально приученную для целей круглогодичного содержания скота на подножном корму). Это обстоятельство достаточно удовлетворительно объясняет, почему практически все виды верхней поясной одежды у кочевников с характерными просторными покроями, имели ромбовидные вставки на мотне [Потапов, 1949: 66–67]. То есть их шили с низкой мотней на широком шагу. Такие штаны, как с точки зрения использованного материала, так и покроя, не только обеспечивали необходимую свободу действий скотоводов в процессе хозяйственной деятельности, но и (вкуче с соответствующими видами верхней одежды) надежно защищали скотовода от непогоды.

Состав и виды одежды. В историческом прошлом существовали следующие принципы народной классификации одежды: а) половозрастной – мужской, женский и детский; б) «антропоморфный» – головные уборы (*бас киім*), верхняя одежда (*сырт киім*, *тыс киім*), нательная одежда (*бой киім*, *іш киім*), поясная одежда (*бұт киім*) и обувь (*аяқ киім*). «Антропоморфный» принцип различения состава костюма одинаково применим ко всем половозрастным группам. При этом каждая из этих «антропоморфно» обозначенных групп одежды по своему составу характеризуется достаточно большим разнообразием [Әлімбаев, 2009: 11–12]. В свою очередь эти группы одежды подразделяются на повседневный и праздничный виды. Отметим, что каждый из видов одежды характеризуется достаточным разнообразием как социально-статусного,

так и регионального порядка. Особняком стоят костюмы такого своего рода «лиминальных»¹³ личностей в кочевом социуме, как *сал* (щеголь) и *сері* (своего рода бард в кочевой среде). Нельзя сказать, что они одевались богато. Зато на общем фоне одежды остальных социальных категорий кочевников одевание, особенно у *сал*, выделялось прежде всего своими яркими цветовыми тонами покрытий головного убора и верхней одежды. Чаще всего в качестве таковых выбирались ярко-красные, желтые, ярко-синие, ярко-зеленые цвета. Вместе с тем в отличие от *сері*, макушку головного убора *сал* украшал специально пришитый объемистый пучок перьев филина (*үкі*). Украшенная декоративными серебряными бляшками, полудрагоценными камнями, а также золотыми и серебряными вышивками, и тамбурными швами одежда *сал* и *сері* вкупе со своей броской окраской была призвана подчеркивать санкционированную традицией ритуализированную и несколько сакрализованную их социальную идентичность и поведение.

Головные уборы. В традиционной казахской среде ношение головных уборов было обязательным, которыми, собственно, и увенчается весь комплект костюма номадов. Данный вид одежды является семантически наиболее выразительной частью народного костюма, выполнявшую в историческом прошлом функцию маркера социальной, родовой, половозрастной идентичности человека. В головных уборах знати это выражалось не только в их особом покрое, но и наличии престижных материалов, в частности широком использовании дорогих мехов и богатстве отделки [Әлімбай, 2009: 17–103; Ерофеева, Усманова, 2014: 655–657]. Будучи предметом сугубо личного пользования, любой вид головного убора не подлежал передаче или дарению другим лицам. Сбить головной убор или просто уронить считалось плохой приметой [Әлімбай, 2009: 20; Әлімбай, Қатран, 2017, 1-т.: 558–563]. Материалы, покроем, стилевые особенности, а также ряд элементов орнаментации и декора женских головных уборов содержали информацию о семейном положении, социальном статусе, возрасте и родовой принадлежности их носителей. Существовали значительные различия головных уборов девушек, молодых женщин, женщин среднего и пожилого возраста (*тақия*, *сәукеле*, *жаулық*, *кимешек*). Мужчины носили *мұрақ*, *қалпақ*, *бөрік*, *тымақ*, *күләпара* и т.д., которые надевали поверх *тақия* (заметим, что в традиционном обществе все мужчины систематически наголо брили голову. Вероятно, это объясняется экстремальными условиями естественной среды обитания, не в меньшей степени и хозяйственными факторами и т. д.).

Особую категорию традиционного головного убора казахов-кочевников составляет «*мұрақ*» (синонимы: *сәукеле қалпақ*, *айыр қалпақ*), надеваемый поверх специально изготовленного *бөрік*, называемого в западных регионах Казахстана и как тебетей. Хранящийся в фондах ЦГМ РК традиционный *мұрақ* конструктивно состоит из четырех клиновидных полотнищ и широких загнутых полей с двумя небольшими боковыми разрезами, называемыми «*айыр*» [Әлімбай Н. 2009: 24; Қазақтар. 2013: 307, 310–311] [Рис. 3].

Рис 3. Мұрақ султана Баймухамеда Айшуакова (1790–1847). XIX в. (ЦГМРК КП 530)

¹³ Данный термин англо-американского антрополога В. Тэрнера означает, как выразился ученый, лиминальное «пороговое» социальное положение отдельных членов традиционного социума [Тэрнер, 1983: 17–30; 168–184]. В сущности, в таком лиминальном, то есть неопределенном социальном состоянии находились также *сал* и *сері*. В действительности они никак не были привязаны к той или иной общественной сфере ни институционально, ни экономически, в известном смысле и даже социокультурно – *авт*.

Заостренные боковые части полей *мұрақ* круто загибались вверх, напоминая обращенные своим острием ввысь рога архара. Отмеченные четыре клиновидных полотнища, сшитые вместе с квадратной или сферической верхушкой, образуют высокую тулью. Последняя, будучи отделанной богатой золотошвейной вышивкой, придает головному убору особую торжественность. Конкретно-исторически установлена принадлежность *мұрақ* известному представителю кочевой аристократии султану Баймухамеду Айшуакову. В фондах РЭМ на хранении находится аналогичный *мұрақ*) [Рис. 4]. Он изготовлен из крытого ярко-красным бархатом плотного белого войлока. На его полях, как и у *мұрақ* из коллекции ЦГМ РК, имеются два небольших боковых разреза. По краю полей и в основании тульи нашит золотой галун, по всему полю вышивка золотыми нитками и пайетками; орнамент – древовидные фигуры, растительные побеги и арабески. Данный *мұрақ* по высоте тульи и ширине полей, а также по богатству и насыщенности декора уступает хранящемуся в ЦГМ РК аналогичному головному убору.

Рис 4. Головной убор мужской *мұрақ*. Из коллекции Российского этнографического музея (далее – РЭМ). Инв. № 8762-23540.

Вместе с тем поля ряда *мұрақ* были цельными [Әлімбай, 2009: 25; Қазақтар, 2013: 308–309]. Отметим, что в отношении этого церемониально-ритуального назначения головного убора в социуме существовал сложившийся веками достаточно жесткий порядок: исключительным и во многом сакрализированным правом его ношения обладала лишь одна единственная социальная категория – представители особо привилегированного сословия *төре* (ханы и султаны) в полном соответствии с идеологией чингизизма [Юдин, 1992: 14–21]. Для пошива *мұрақ* использовался высококачественный тонкий и плотный белый войлок. Специально изготовленный этот материал выполнял своего рода формообразующую функцию, обеспечивая необходимую устойчивость формы *мұрақ*. При его отделке полностью покрывали дорогими тканями (парчой, сукном, бархатом и т.д.) красных тонов (алый, бордовый, терракотовый, пурпурный т.п.), поля и тулью орнаментировали вышивкой шелковыми нитями и канителью. По краю полей нашивали золотой галун [Казахи, 1995. 148–149; Ерофеева, Усманова, 2014: 655–657]. Как отмечалось выше, *мұрақ* надевали поверх *бөрік*, представляющего собой твердую конусообразную шапку. *Бөрік* также покрывается бархатом красного цвета различных оттенков. При этом богато расширяется серебряной или золотой канителью (*оқа, зер*). Опушка обязательно отторачивается мехом выдры или бобра. Такая эстетика *мұрақ* с его необычной формой вкупе со своим неперменным атрибутом-элементом – шапкой была призвана символически демонстрировать высокий социальный или институциональный статус его носителя в социуме [Небольсин, 1852: 168–169; Әлімбай, 2009: 20–21, 24]. Изготовленная по всем канонам традиционного покроя «двурогая» форма *мұрақ* является символическим воплощением освященной традицией образа барана-самца (*қошқар*). Согласно концепции мироустройства саков, «солнечный» баран-производитель выступал в роли медиатора между верхним миром обитания богов

и земным, профанным миром людей [Акишев, 1984: 37–38]. В кочевом социуме казахов этот медиатор трансформировался в образ «*құтпан қошқар*», который в ритуально-обрядовой практике кочевников жизненного цикла представляет собой символом воплощения идеи плодородия и благополучия [Әлімбаев, 2009: 18–23; Әлімбаев, 2017, 4-т.: 124–125]. В контексте сказанного достаточно определенно прослеживается причинно-следственная связь смысловой нагрузки *мұрақ* с его роговидной формой полей с семантикой бытовавшего в прошлом у представителей *төре* боевого клича (*ұран*) «архар» [Әлімбаев, 2009: 18–23]. Примерно к началу 50-х годов XIX в. традиционный тип *мұрақ*, по-видимому, перестал бытовать, что достаточно удовлетворительно объясняется в контексте реализованных имперскими властями административно-территориальных и институциональных реформ 20–50-х гг. XIX в. в Казахстане. Начиная со второй половины этого столетия появляется его более упрощенный тип, который шился из двух кусков войлока, формой напоминающий прежний *мұрақ*. Однако он назывался *қалпақ*, который в это время становится частью официального костюма представителей казахской знати и вновь образовавшихся местных управленческих структур в составе колониальной администрации [Әлімбаев, 2017, 3-т.: 266–275]. Очевидно, в этом самом названии *қалпақ* недвусмысленно заключено осознание казахами потери сословием *төре* своих былых сакрализованных традицией социальных и институциональных привилегий.

Один из широко бытовавших среди казахов *қалпақ* представляет собой демисезонный мужской головной убор из тонкого белого войлока в форме шляпы с узкими отгибающимися полями и высокой тульей. Встречались и *қалпақ*, изготовленные из шерсти натурального коричневого цвета. И все же предпочтение отдавалось шерсти белого цвета [Небольсин, 1852: 168–169; Захарова, Ходжаева, 1989: 210–212]. Существовали два типа *қалпақ*: цельнокатанный и сшитый из двух или четырех клиньев подтреугольной формы. При этом различают *қалпақ* с цельными полями (*дөңгелек қалпақ*) и с разрезными (*айыр қалпақ*). Видимая часть отогнутых полей обязательно обшивались тканью темных тонов, преимущественно черного цвета.

К разряду из наиболее характерных как в экологическом, так и хозяйственно-культурному отношениям видов кочевнической одежды следует отнести *тымақ* и *күләпара*. Исследователи, основываясь на соответствующих данных, утверждают, что *тымақ* и *күләпара* заимствованы кундровскими татарами и башкирами у казахов [Назаров, 1890: 181; Захарова, Ходжаева, 1964: 71; Руденко, 2006: 147]. *Тымақ* полностью закрывал плечи и верхнюю часть спины, что особенно необходимо в условиях круглогодичного содержания скота на подножном корму. *Тымақ* северных регионов Казахстана большей частью делали из меха лисиц, шкуры окрепших ягнят осеннего забоя (*сеңсең*). В южных регионах, наряду с вышеупомянутыми материалами, использовали и мерлушку, называемую у казахов *қаракүл елтірі* [Әлімбаев, 2019. № 2(169): 31–34]. По количеству используемых для шитья тульи клиньев в народе существует следующие названия *тымақ*: *төртсай тымақ* (четырёхклиновый), *алтысай тымақ* (шестиклиновый), по форме тульи – *дөңгелек төбелі тымақ* (*тымақ* с круглым навершием) и *шошақ төбелі тымақ* (*тымақ* с конусообразным навершием). В зависимости от применяемых материалов в народе существовали и следующие «классификационные» ряды: *сеңсең тымақ*, *түлкі тымақ*, *елтірі тымақ*, *жабағы тымақ*, *сусар тымақ*, *пұшақ тымақ*, *қарсақ тымақ* и т.д. По родоплеменной принадлежности – *керей тымақ*, *найман тымақ*, *арғын тымақ*, *үйсін тымақ* (последний называется и как *жетісу тымақ*) и т.д. Кроме того различают следующие виды: *жабасалма тымақ*, *жекей тымақ* и т.д. Таким образом «*тымақ* – очень своеобразный и оригинальный головной убор, характерный, пожалуй, только для казахской одежды» [Захарова, Ходжаева, 1964: 71].

Еще один сугубо кочевнический тип головного убора *күләпара* имеет ряд региональных названий: *далбагай*, *далбай*, *жалбай*, *жалбагай*, *жалгантыс* и т.д. Название *жалгантыс* (букв. «ложная оболочка») использовалось в западных регионах Казахстана, где в непогоду его надевали поверх *тымақ* без тканевого покрытия [Ильминский 1860: 129; Қазақ әдеби..., 2011а: 647] [Рис. 5]. *Күләпара* по покрою схожа с *тымақ*. Вероятно, это объясняется тем, что оба вида головного убора сложились на общей субстратной основе в процессе формирования кочевничества. Как и *тымақ*, *күләпара* носили только мужчины. Плотнo облегающий голову и оплечье кочевника данный чисто кочевнический тип головного убора обеспечивал защиту человека не только в ветренную и дождливую погоду, но и также во время наступления пыльных ветров и знойной летней жары. При этом существовал и утепленный зимний вид *күләпара*. На территории Казахстана были распространены три варианта по покрою *күләпара* с несущественными отличиями в отношении форм

таких конструктивных компонентов, как тулья, боковые лопасти и назатыльники [Захарова, Ходжаева, 1989: 212–215]. Следует отметить, что в русскоязычной литературе XX в. по казахской этнографии, в том числе и такие признанные исследователи, как И.В. Захарова и Р.Д. Ходжаева иногда часто ошибочно именуют башлыком [Захарова, Ходжаева, 1989: 212–215]. На самом же деле *күләпара* с точки зрения жизнеобеспечивающей функции и конструктивных особенностей представляет собой совершенно самостоятельный вид головного убора. Его отличие от башлыка заключается в следующем: если куполообразная тулья *күләпара* плотно облегла голову, а боковые и задние лопасти практически полностью закрывали оплечье и верхнюю часть спины человека, то башлык, будучи одним из традиционных головных уборов ряда кавказских народов, представляет собой остrokонечный капюшон с узкими боковыми лопастями длиной до 1,5 м. Ими обматывались как шарфом или же обвязывались крест на крест вокруг груди человека [Военная энциклопедия, 1911: 429].

Рис 5. С. М. Дудин. Мужчина в головном уборе *күләпара* (фрагмент). Семипалатинская область. Оз. Саумалколь. 1899 г. Кунсткамера. Инв. № 1199-72

Также широко распространенный другой всепогодный головной убор *бөрік* носили как мужчины, так и женщины. Женский *бөрік* несколько отличался по покрою и декору (об этом несколько ниже). Плотный облегающий голову человека данный верхний головной убор одинаково хорошо защищал и от летнего солнечного припека, и от холода. Мужчины начиная со среднего возраста под *бөрік* надевали тюбетейку (*тақия*). Покрой *бөрік* был одинаков по всей территории расселения казахов. Мужской *бөрік* сшивался из четырех клиньев подтреугольной или трапецевидной формы со скошенным треугольным завершением. С внутренней стороны пришивалась широкая полоса меха с прокладкой из шерсти, которая при ношении выворачивалась наружу, образуя меховую опушку головного убора [Әлімбаев, 2009: 42]. Для опушки использовали пушнину, шкурки лап пушных зверей (*пұштақ*), а также мерлушку (*қаракұл, жылбысқы, әрісәрі, қырықпа, сеңсең, елтірі* и т.д.). Нарядные варианты таких *бөрік* сверху покрывали бархатом, парчой и дорогими сортами сукна. В зависимости от соотношения высоты и ширины клиньев конфигурация этого головного убора варьировалась от высокой заостренной до низкой квадратной или куполообразной формы. Отметим, что высокая заостренная тулья была характерна для традиционных *бөрік*, бытовавших до начала XIX в. Позже появился *бөрік* с более низкой тульей с квадратным или пирамидальным верхом. В начале XX в. в обиход вошел новый тип *бөрік* с отдельно сшитой тульей с низкой четырехгранной макушкой и пришиваемого к ней валикообразного мехового околыша [Захарова, Ходжаева, 1989: 212; Әлімбаев, 2009: 40]. Девичьи *бөрік* шили из плотных дорогих тканей (сукно, бархат и т.д.) с использованием позументов, галуна и золотошвейной вышивки. Меховой околыш пришивался с наружной стороны. Судя по описаниям и рисункам в XVIII – до середины XIX в. девичьи *бөрік* имели высокую конусообразную форму, со второй половины XIX в. появились

бөрік с более низкой тульей округлой формы [Левшин, 1832: 46–47; Солнцев, 1836; Захарова, Ходжаева, 1964: 109]. Девичьи бөрік с плоским верхом и высоким (до 10 см.) околышем из меха выдры или бобра назывались *кәмшат бөрік*.

Рис 6. П.М. Кошаров. Мужчина в головном уборе – бөрік, надетый на тубетейку (Казах Большой Орды племени Дулатов. 1857 г.) (Абрамзон 1953: Рис. 8)

«Тақия» (тубетейка) представляет собой маленькую круглую шапочку без полей. Ее носили все категории населения, в том числе и дети. Мальчикам и девочкам примерно с пятилетнего возраста надевали специально изготовленную *тақия*, которая по поверьям была призвана выполнять функцию защиты жизненных сил ребенка. Кстати, такую же защитную функцию выполняла *тақия* и взрослого мужчины. Исключение составляли замужние женщины, что объясняется санкционированным и регулируемым традицией их семейным, не в меньшей мере и гендерным статусом. Мужские *тақия*, называемые также как *кепеш*, *телпек*, *топы*, считались нижним головным убором и его надевали под верхние головные уборы) [Рис. 6]. *Тақия* носили и молодые незамужние женщины. Их шили из плотных хлопчатобумажных тканей преимущественно красного цвета различных оттенков, в состоятельных семьях – из бархата и шелка таких же тонов. Для декорирования применяли художественную вышивку, бисер, коралл, пайетки, полудрагоценные камни, перья филина, фазана, павлина и т.д. Более взрослые девушки носили *тақия*, покрытые бархатом ярко синего или ярко зеленого цветов. Бытовали *тақия* с высокой верхушкой (*шошақ төбелі*, *биік төбелі*), с плоской верхушкой (*тегіс төбелі*), с острой верхушкой (*үшкір төбелі*) [Әлімбаев, Қатран, 2017. 5 т. 289–290]. Однако *тақия* высокой и остроконечной формы вышли из употребления уже к середине XIX в. Более широкое распространение получили *тақия* цилиндрической формы с плоским верхом и низким околышем [Валиханов, 1984: 198; Захарова, Ходжаева, 1964: 109; Прищепова, 2012: 251–266; и др.). В западных регионах Казахстана девушки носили особый вид *тақия* – *қасаба*, со скошенной затылочной частью и лопастью. *Қасаба* украшали златошвейной вышивкой, серебряными монетами, бляшками, канителью, кораллом и бахромой. В традиционной этнокультурной среде *қасаба* была принадлежностью представительниц аристократического сословия «*төре*».

Свадебный головной убор невесты образует целый комплекс, состоящий из *сәукеле*, *зере* и *желек*. Основной системо- и смыслообразующий знаковый компонент *сәукеле* представляет собой высокую шапку из тонкого плотного войлока (фетра) в виде конуса с косо срезанным верхом) [Рис. 7]. Он покрывается дорогими тканями (бархатом, сукном, шелком и др.) красного цвета различных оттенков. Верх *сәукеле* венчается серебряным (у богатых с позолотой) навершием «*бергек*», украшенным драгоценными камнями. Верхнюю часть *сәукеле* – *төбелдірік* обычно

декорировали златотканной вышивкой, кораллом, бирюзой, сердоликом, жемчугом, бусами, бисером, галуном, пайетками, серебряными бляшками, монетами и т.д. С боков прикреплялись подвески из нитей коралла, серебряных цепочек, шелковых шнуров с кистями, доходящими до пояса (*жақтау*). Нижнюю часть *сәукеле* оторачивали мехом выдры или бобра. В данном случае декоративные элементы меха, помимо эстетической функции, вкпе с такими полудрагоценными камнями, как сердолик и бирюза, выполняли и функции защиты невесты от негативного воздействия злых намерений, сглаза, зависти и т.д. [Крюкова, 2006: 148–159]. Богатые *сәукеле* кроме указанных декоративных элементов, украшались и золотыми бляшками, нередко нашивались золотые монеты [Стасевич, 2023: 108–112]

Рис. 7. *Сәукеле*. Середина XIX в. Западный Казахстан. РЭМ. Инв. №215-1

В историко-этнографическом прошлом родители невесты заказывали *сәукеле* специальным мастером. Он обходился очень дорого, порой цена доходила 2–3 тыс. рублей серебром [Казахи, 1995: 155]. Обычно под названием *сәукеле* подразумевался весь комплекс головного убора невесты. Следующая часть комплекса *зере*, представляет собой простёгнутую плотными стежками нижнюю шапочку конической формы, на которую надевалась *сәукеле*) [Рис. 8]. *Зере* имела две боковые лопасти (*құлақ*, *жақтама*) и назатыльник (*желке*, *желкелік*). Некоторые *зере* по нижнему краю имели меховую опушку. Для придания устойчивости на голове с боковых сторон *зере* нашивали подвязки (*тамақбау*), которые завязывались под подбородком [Шойбеков, 2017: 49–50 б].

Рис 8. *Зере* – шапочка надеваемая под *сәукеле*. Середина XIX в. Сырдарьинский регион. РЭМ. Инв. № 8763-612/1,2

Завершающей частью сәукеле является *желек* – специальная накидка из легкой дорогой ткани, которой полностью окутывается фигура невесты. Прикрепленный к бергек желек ниспадал за спину. *Желек* шили из шелка или кисеи прямоугольной или ромбовидной, нередко и треугольной формы. При этом вышивался цветными нитками, украшался серебром и канителью, края обшивались бахромой. Начиная со второй половины XIX в. в качестве накидки стали использовать готовые платки фабричного производства [Захарова, Ходжаева, 1964: 111–112]. В день отъезда невесту одевали в свадебный костюм, в котором она должна была приехать в аул жениха. *Сәукеле* при этом сверху накрывался *желек*, который закрывал не только фигуру но и лицо невесты. Лицо невесты открывали после отправления традиционного ритуального действия *беташар*. После свадьбы молодая носила *сәукеле* до наступления беременности, после чего на нее надевали *кимешек* с *шылауыш* [Рис. 9].

Рис 9. Васильев В. Н. Портрет женщин: в традиционном головном уборе и вышитом платке. Казахстан, Семипалатинская обл. 1913 год. Кунсткамера. Инв. № 9-13

Процедура надевания *кимешек* сопровождался небольшим праздничным дастарханом, устраиваемым свекровью (*ене*). Наиболее уважаемая многодетная женщина, с соответствующими благопожеланиями (*бата*), надевала *кимешек* на невестку, за что свекровь одаривала ее подарком. По некоторым данным, *кимешек* надевали и после рождения ребенка или же на сороковой день после рождения ребенка. В конце XIX в. в некоторых регионах, в связи исчезновением *сәукеле* *кимешек* стали надевать в день приезда молодой в аул мужа. Однако во всех случаях акт облачения молодой женщины в *кимешек* проходил в торжественной обстановке с угощением близких. Как писали исследователи И.В. Захарова и Р.Д. Ходжаева, этим этнокультурно характерным актом как бы подчеркивалось обретение женщиной нового социального статуса – материнства [Захарова, Ходжаева, 1964: 122]. От себя добавлю, что надевание *кимешек*, отныне ставшим основным головным убором молодой женщины, означает наступление следующей статусной позиции невестки не только в семье, но и социуме. Ибо ее статусная функция не ограничивается только лишь семейно-бытовым пространством. Она, как замужняя женщина, имеющая детей, обретает ряд прав на участие и в некоторых общественных делах, в частности в сфере ритуально-обрядовых действий, выполняющих в социуме значимую регулятивную функцию, а также семейно-брачных, в ряде случаев и даже обычно-правовых отношений и практик. Стало быть, отмеченное ритуальное действие относится к категории инициальных обрядов. Декор *кимешек* молодых женщин отличался богатством отделки. Однако с возрастом детали убора менялись в сторону упрощения, а при наступлении вдовства декоративные элементы в знак траура вовсе спарывались [Әлімбай, Қақабаев 2019. 2-т.: 245–249]. *Кимешек*, будучи самым распространенным обязательным головным убором замужних женщин, имел множество региональных, родовых, возрастных отличий как по покрою, отделке, так и по способам ношения [Захарова, Ходжаева, 1964: 115–121]. Плотнo облегающий голову и плечевую зону с отделанным вырезом для лица, данный тип головного убора шили из одного или двух кусков белой хлопчатобумажной ткани. Передняя часть *кимешек* доходила до пояса, со спины спускалась под углом нередко до пятки, полностью закрывая туловище женщины. Обязательной частью *кимешек* является *шылауыш* (другие названия-синонимы: *күндік*, *сұлама*, *шаршы*, *жаулық*, *бұрама жаулық*), который состоит из плотно прилегающих друг к другу нескольких слоев хлопчатобумажной ткани

размером 2,0 x 2,0 м и более. *Шылауыш* наматывается на *кимешек* в виде тюрбана. Для этого ткань по диагонали складывали вдвое, а затем – в длину в несколько слоев. Образовавшуюся таким образом полосу шириной около 20 см накручивали на *кимешек*. Отметим, что *шылауыш* не имел строго определенного порядка ношения – имелось как немало родовых, так и региональных способов накручивания его на голову – от простого наматывания на *кимешек* в виде чалмы или тюрбана до сложных форм с использованием сшитого или скрепляемого булавками картонного каркаса [Әлімбай, Қатран, 2017. 5 т. 708–710]. Заметим, что такой своего рода двухсоставной головной убор имеет общее название «кимешек». Очевидно, это обусловлено тем, что кочевнической традицией ношение такого *кимешек*, особенно при людях, допускалось только лишь в комплексе. *Кимешек* (без *шылауыш*) женщина могла носить строго в узком семейном кругу. *Шылауыш* же отдельно не использовался. Это объясняется тем, что намотанный на голову в виде тюрбана без *кимешек шылауыш* не закрывал бы особенно шейно-грудную часть женщины, как того требовала традиционная этика. Он даже не считался самостоятельным видом женского головного убора. Таким образом *кимешек*, полностью укрывающий голову, шею, грудь, плечи, а также и спину, вкупе с многослойным *шылауыш*, обладал достаточно эффективными теплоаккумулирующим, теплоизолирующим, терморегулирующим свойствами. В таком уникальном жизнеобеспечивающем качестве данный головной убор надежно защищал туловище женщины как от холода, пронизывающего ветра и пыли, так и от перегрева в жару. В качестве историко-этнографических параллелей следует отметить, что аналогичные женские головные уборы были и у каракалпаков (*қызыл кимешек*), кыргызов (*элечек*), узбеков, таджиков (*лячак, кулута*). Схожие типы женских головных уборов в древности имели распространение у многих кочевников Евразии. Некоторые исследователи считают, что субстратную основу отмеченных Центральноазиатских «*кимешек*», в том числе и казахского, составляет аналогичный древнекипчакский тип головного убора. В качестве конкретно-исторического обоснования учеными проводятся соответствующие параллели на примерах раннесредневековых половецких каменных изваяний из европейской части Евразийского континента [Лобачева, 2006: 69–72].

Верхняя одежда. Традиционно верхняя плечевая одежда была распахной туникообразного покроя с прямым или трапецевидным силуэтом. Они шились просторными с глубоким запахом без застежек или с одной застежкой у ворота. Состав и покрой мужской и женской верхней одежды во многом были схожи. Отличия заключались в форме воротников, степени отделки и элементов декорирования женской одежды. Практически все виды верхней одежды в своем большинстве не имели застежек или застегивалась у самой шеи на одну застежку или объемную пуговицу, называемую «*торсылдақ*».

Рис 10. Типы традиционных казахских пуговиц «*Торсылдақ*». Серебро, позолота, зернение (из личной коллекции автора)

Эта типично кочевническая пуговица делалась, как правило, из позолоченного серебра. Она богато орнаментировалась в технике зернения¹⁴. В таком качестве она была необходимым элементом костюма представителей кочевой аристократии. Застегнутая лишь на одну пуговицу у самого ворота верхняя одежда при запахивании обязательно подпоясывалась поясом или же кушаком. Бытовали различные типы поясов и кушаков, как например *кісе белдік*, *кемер белдік*, *қылышбау белдік*, *былгары белдік*, *қамар белдік*¹⁵, *деңмент белдік*, *бұрама белбеу*, *құр белбеу* и т.д. При этом, по словам Ш.Ш. Валиханова, среди них *кісе белдік* безусловно является самым древним и наиболее распространенным видом поясов [Валиханов, 1904: 37–40]. В историческом прошлом *кісе* был одним из обязательных элементов амуниции мужчины-воина и охотника. Не в меньшей степени им пользовались и в хозяйственных целях [Курылев, 1989: 86–97; Ахметжан, 2007: 216 Әлімбай, 2016, № 7–8 (146, 147): 50–64].

Деңмент белдік (*деңмент белбеу*) также имел региональные названия: в Атырауском и Мангистауском – *дегмент белдік*, Сырдарьинском – *деңбет белдік* и т.д. В этих названиях нашли отражение местные «диалектные» особенности изделия [Деңмент белбеу, 2017, 2-т.: 59–60]. При этом название *деңмент белдік*, как общеэтническое, использовалось параллельно. Отметим, что ряд поясов, в частности, *кемер белдік* и *деңмент белдік* изготавливали как из кожи, так и из тканей. Вследствие этого в отношении этих поясов названия *белдік* и *белбеу* применялись одинаково. Самые распространенные по всему Казахстану кожаные пояса украшались серебряными бляхами, вставками из цветного стекла, сердолика и бирюзы [Белдік / Белбеу, 2017, 1-т.: 635–638]. Женские пояса и кушаки типологически также характеризуются большими разнообразиями (*түрме белбеу*, *бұрама белбеу*, *кемер белдік*, *деңмент белдік* и т.д.)¹⁶. Они, прежде всего, усиливали разнохарактерные жизнеобеспечивающие функции верхней одежды. В то же время в социуме выполняли и знаково-символическую функцию – будучи неотъемлемой частью одежды выступали и маркером социальной, половозрастной, институциональной и т.п. идентичности членов общества [Белдік / Белбеу, 2017, 1-т.: 635–638]. Отметим, что женщины носили преимущественно матерчатые пояса на пряжке или застежке с богатой орнаментацией. Их шили из бархата, парчи и плотного сукна ярких тонов шириной 5–7 см. Их подкладку делали из твердой кожаной, войлочной или предварительно прошитой плотной ткани в 2–3 слоя. Лицевая сторона украшалась сеткой из бисера, мелких кораллов и вышивкой. Тем не менее конструктивно мужские и женские пояса были схожи. Женщины кроме отмеченных выше тканевых поясов носили и кушаки. Их делали «из нескольких метров бумажной ткани, скручиваемой в жгут с бахромой или кистями на концах» [Захарова, Ходжаева, 1964: 103]. В Мангистауском регионе бытовали особый вид кушака, называемого «*түрме белбеу*». Исследователи И.В. Захарова и Р.Д. Ходжаева сообщают, что предназначенная для изготовления данного вида изделия «складывали спиралью и сшивали, так что получалась полоса из двойного слоя ткани с треугольными концами» [Захарова, Ходжаева, 1964: 103]. Название *түрме белбеу*, вероятно, происходит от спиралевидного характера изделия.

Зимние виды. Пожалуй, один из самых распространенных видов зимней одежды у кочевников-казахов был тон, представляющий собой нагольный тулуп из дубленной овчины (*қыбықтырылған тері*). Его шили как с большими отложными и шалевыми воротниками, так и без воротников. Обычно на пошив одного тон уходило 5-6 шкур взрослых овец. Слегка расширяющаяся к низу одежда по длине достигала щиколоток. Ее нижняя часть кроилась несколько шире. Поэтому его силуэт имел трапецеобразный вид. Тон, будучи с глубоким запахом и безпуговичным, подпоясывался поясом или кушаком¹⁷. Качественными, относительно легкими были тон, сшитые из шкур ягнят осеннего забоя – *сеңсең тон* [Рис. 11].

¹⁴ Зернение – один из традиционных приемов казахских ювелиров (зергеров). Суть этой техники в том, что предварительно изготовленные крошечные шарики напаваются на всю поверхность, в данном случае торсылдақ, преимущественно, в виде ромбообразных узоров. На поверхности некоторых *торсылдақ* узоры наносились и методом тиснения. Таким образом *торсылдақ* выполняет не только практическую функцию, но и символически четко выраженную знаковую функцию – призван демонстрировать высокий социальный статус владельца.

¹⁵ Один из видов казахских поясов. В прошлом его делали из каракулевых шкурок, преимущественно насыщенного черного цвета. Очевидно, название *қамар белбеу* связано ярко выраженным блестящим естественным узором каракуля.

¹⁶

¹⁷

Рис 11. Сеңсең тон из дубленой овчины. Нач. XX в. Южный Казахстан. ЦГМ РК. КП 13129)

Состоятельные люди носили *тон* из волчьих и лисьих шкур. Женские *тон* были слегка приталены, при ношении они также подпоясывались. Бытовали женский *тон* и с пряжкой-застежкой на поясе. В традиционной социальной среде тон с отложными и шалевыми воротниками относились к разряду престижных видов одежды, называемых «*жагалы киім*» [Әлімбай, Шойбеков, 2019. 2-т. 351]. К такому типологическому ряду зимней верхней одежды следует отнести и *ішік* – крытую шубу из овчины, меха пушных зверей и мерлушки. Крытая шелковыми тканями, бархатом, дорогими сортами сукна, богато отделанная вышивкой, позументом, а также оторочкой бортов подола рукавов и воротников дорогими мехами *ішік* были символом достатка и социальной значимости. Такая одежда входила в ряд комплектов материальных ценностей, называемых у казахов *киім, жасау, тоғыз, құн, бесжақсы* и т.д. Особым изяществом отличались женские шубки *пұшпақ ішік*, сшитые из меха лапок пушных зверей [Рис. 12].

Рис. 12. Шуба (*пұшпақ ішік*) женская из лисьих лапок. Крытая зеленым бархатом, на меху с лисьих лапок. ЦГМ РК КП 14983

Күні один из функционально универсальных видов верхней зимней одежды кочевников просторного покроя. Такая одежда в различных вариантах бытовал у многих народов Центральной Азии. В частности, термин *күні* с соответствующими фонетическими вариациями традиционно известен у киргизов как *купи, коппо*, у каракалпаков – *гуни*; у узбеков и таджиков – *гуно*; у туркмен – *гуптича* и т.д. [Будагов, 1871: 142; Сухарева, 1970: 105–107; Лобачева, 1989: 15; Люшкевич, 1989:

109; Рассудова, 1989: 145; и др.]. В русскоязычной научной литературе *күпі* известен как шуба. В отличие от других «близких этнографических параллелей» длина казахского *күпі* доходила до щиколотки. Его нижняя часть (начиная с пояса) кроилась несколько шире. Свободный покрой одежды надежно защищал человека от непогоды. И не только. В таком качестве *күпі* обеспечивал и свободу движений кочевника, особенно во время выпаса скота, когда ему в силу производственной необходимости приходилось не только нередко спешиваться и садиться на лошадь, но и даже часто снимать и обратно надевать такую относительно громоздкую одежду как *күпі*. Бытовали различные типы этой одежды – *шидем күпі* и *жабагы күпі*. В своей непростой повседневной хозяйственной жизни и в быту кочевники пользовались и еще одним, кстати сказать, самым универсальным типом этой одежды. Однако этот *күпі* в народной «типологической» классификации не имел собственного обозначения. Вероятно, это обстоятельство в известной мере можно объяснить тем, что данный тип *күпі* являлся всесезонным, т.е. им пользовались во все времена года. В целях предметного обсуждения вопроса назовем его «обычный» *күпі*. Данный универсальный тип представляет собой стеганную прямоспинную плечевую одежду с прокладкой из слоя верблюжьей и овечьей шерсти или ваты. В качестве верхнего покрытия одежды использовались такие виды тканей, как хлопчатобумажный, шелк, полуселк, сукно, бархат и т.д. На подкладку шли даба бязь, ситец, китайка и т.д. Отметим, что данный тип *күпі* преимущественно шили с шалевыми и стоячими воротниками. Следующий тип *күпі*, называемым *шидем күпі*, также относится к массово используемой категории кочевнической верхней одежды. Название *шидем күпі* происходит от аналогичного названия специально изготовленного для этой цели особого вида домотканного сукна из верблюжьей шерсти. Такой тип сукна, отличающегося достаточной плотностью тканья, также именовался *шидем*. По крою он практически не отличался от других типов *күпі*. Различия заключались лишь в отношении используемых материалов и технологии изготовления того или иного типа *күпі*. Длина его была несколько ниже колен. В кочевом обществе особым спросом пользовался *жабагы күпі* [Рис. 13].

Рис. 13. *Күпі (шуба)* женская. Южно-Казахстанская обл. Нач. XX в. Шелк, шерсть, бархат, мех, позумент, стежка. Длина 125 см. Крыта зеленым шелком, подбита простеженной на х/б ткани овечьей шерстью бежевого цвета, стеганная насквозь по длине. Силуэт трапециевидный, расширяющийся к низу. Воротник стоячий, оторочен мехом выдры. Нагрудная часть, края рукавов отделаны бордовым бархатом, края обшиты золотистым позументом и, внутренняя сторона края подола обшита шелком красного цвета. ЦГМ РК. КП 8039

Он представляет собой особый вид распашной одежды из нашитой на тканевую основу естественным образом свойлаченной верблюжьей или овечьей шерсти (*жабагы жүн*). Простота изготовления, эффективные теплозащитные свойства способствовали широкому распространению *жабагы күпі* по всему Казахстану. Это обстоятельство в конечном итоге привело к формированию его как самостоятельного вида верхней одежды, принципиально отличающегося как от шубных изделий, так и от стеганных типов верхней одежды (*шапан, бешпент, күпі* и т.д.) [Потапов, 1949: 66]. Характерными конструктивными особенностями *жабагы күпі*, помимо нашитого на тканевую основу (бидайы, астар) *жабагы жүн*, является тканевая подшивка шириной до 15 см с изнаночной стороны

ворота, подола и бортов. Такая подшивка более подверженных истиранию участков изделия увеличивала срок службы последнего. Известный исследователь древней и средневековой истории и культуры народов Центральной Азии С.И. Руденко, проводя параллель с обнаруженной в знаменитых Ноинулинских курганах верхней одеждой отмечает, что именно эта конструктивная особенность жабағы күпі указывает на древность происхождения этого типа кочевнической одежды [Руденко, 1927: 18; Руденко, 1962: 38–47]. Широкое бытование у кочевников-казахов жабағы күпі объясняется его исключительным удобством, рациональностью и не в последнюю очередь простотой изготовления. Поэтому его независимо от своих социальных положений носили и мужчины, и женщины. Отметим, что не только в сфере хозяйства, но и в быту. Мужские и женские жабағы күпі были идентичны по покрою. Женские күпі отличались лишь в отношении эстетики оформления, в особенности декора. Заметим, что для шитья дорогих күпі использовалась исключительно свойлаченная верблюжья шерсть. Такие күпі покрывались дорогими тканями и имели стоячие или отложные воротники из ценной пушнины. При этом они по подолу, бортам и рукавам так же обшивались пушиной, в частности мехом бобра (*кәмишат*) или выдры (*құндыз*). Относящиеся к разряду престижной одежды их нередко носили даже привилегированные слои общества [Какабаев, 2013: 55]. Изготовленные же из овечьей шерсти күпі преимущественно носили лица, непосредственно занятые различными видами трудовой деятельности в сфере хозяйства и быта [Әлімбаев, 2017. 3-т.: 424–425; Әлімбаев, 2017. 2-т.: 243]. В северных, северо-восточных, восточных и центральных регионах Казахстана в историко-этнографическом прошлом бытовал особый тип шубы *дақы* (*доха*), характеризующийся свободным покроем с широкими рукавами) [Рис. 14]. Его шили из шкур пушных зверей мехом наружу, а также из пухосодержащих козьих шкур (*қылта*). *Дақы* носили как мужчины, так и женщины в особо холодные периоды поверх зимней верхней одежды.

Рис. 14. Доха (*дақы*). Из козьей шкуры черного цвета, мехом вверх. Подкладка из черной хлопчатобумажной ткани. Большой отложной воротник. ЦГМ РК КП 26300

Демисезонные виды. Среди предназначенной для ношения преимущественно в осенне-весеннее межсезонье традиционной верхней одежды особняком стоит *жарғақ*, именуемый также *жақы*. По покрою также относится к группе распашной плечевой одежды. Его шили из выделанных гладких шкур жеребят, стригунков и сайги мехом наружу. При этом изготовленный из шкур, преимущественно павших в весенний период жеребят, данный вид одежды назывался *құлын жарғақ*. Особо ценились *құлын жарғақ* из шкур вороных жеребят, называемые *мақпалқара жарғақ*. Из шкур подросших жеребят (до годовалого возраста) шили тайтері и тайжақы. *Құлын жарғақ* кроилась таким образом, что грива располагалась вдоль рукавов с внешней стороны и вдоль спины по середине [Жарғақ/Жарғақ тон, 2017: 351].

Пожалуй, самый массовым видом верхней распашной плечевой одежды является шапан. В функциональном отношении шапан представляет собой универсальный вид верхней одежды. Его носили в любое время года и мужчины, и женщины, а также дети. Изготовленный на основе просторного туникообразного покроя, шапан характеризуется прямым или трапецеобразным силуэтом. При этом трапецеобразная форма шапана достигалась вшитыми в боковины одежды двумя дополнительными трапецевидными клиньями. Бытовали и шапаны, к полам которых «пришивали треугольные клинья, образующие запах» одежды [Захарова, Ходжаева, 1964: 47]). Шапаны были длинными, просторными с широкими рукавами и глубоким запахом. Характерно, что практически

большинство традиционных шапанов не имели вшитых воротников. Такой открытый ворот для жесткости прострачивался в несколько рядов. Безворотниковый шапан традиционно именуется *ойма шапан*. Обычно шапаны шили из плотной шерстяной, шелковой или хлопчатой ткани (армячина, китайские узорчатые ткани, хлопчатобумажные ткани, полушелковые ткани, шелк, бархат) с подкладом из тонкой, мягкой ткани, простеганные слоем шерсти или ваты [Захарова, Ходжаева, 1964: 46, 49]. Традиционные шапаны были туникообразного покроя, в конце XIX в. появляется шапан более сложного покроя, приталенный с втачными рукавами. В вышеупомянутом известном исследовании И.В. Захаровой и Р.Д. Ходжаевой отмечаются следующие типы шапана – *жадагай шапан*, *қаптал шапан*, *сырмақ (сырма) шапан*, *дау шапан*, *ұлкен шапан*, *айырма шапан*, *бекасап шапан* и др. [Захарова, Ходжаева, 1964: 45, 46]. Однако «видовый» состав шапанов таким списком не исчерпывается. В историко-этнографическом прошлом по всей территории Казахстана бытовали и такие типы этой одежды, как *күмпей шапан*, *қаба шапан*, *мауыты шапан*, *барқыт шапан* и т.д. [Қазақ әдеби тілінің сөздігі, 2011а: 524; Нұрғожа, 2019. 3-т.: 681–682]. Среди этих шапанов самыми дорогими являются *барқыт шапан*, *мауыты шапан* (дорогой вид сукна), *жібек шапан* (шелковый) и *күдері шапан* (замшевый). Их носили состоятельные мужчины и женщины. Женские шапаны отличались богатым декором в виде золотошвейной вышивки, аппликации, а также золотыми и серебряными украшениями со вставками из коралла, бирюзы и сердолика. Последние входили и в традиционный комплект свадебного костюма невесты. Поэтому их с известной долей условности можно отнести к церемониальным типам шапанов. Заметим, что женские шапаны при схожести покроя с мужскими, от последних отличались несколько приталенным силуэтом.

Шекпен – плечевая распашная демисезонная верхняя одежда, род плаща, сшитая из домотканной армячины на мягкой тканевой подкладке. Особый вид *шекпен* из шерсти верблюжонка назывался *шидем шекпен*. Шекпен носили и мужчины и женщины в теплое время года. Женский вид шекпен отличается лишь в отношении декора и украшения. По покрою шекпен в своих различных вариантах, в том числе и региональных, от шапана практически не отличается.

Существовали и такие сугубо «специализированные» виды одежды, как *сулық* и *кебенек*. Этих также сугубо всаднических типов «дождевика» казахи-кочевники носили в дождливую погоду. Первый из них – *сулық* характеризуется свободным покроем с длинным разрезом в задней части полы. Его шили из плотно валяного тонкого войлока. *Сулық* делали и из специально изготовленной армячины из неокрашенной верблюжьей шерсти. Данный вид сукна у казахов традиционно именуется *шекпен*. В процессе тканья и специальной обработки (путем валяния, ошпаривания горячей водой и т.д.) плотно сбитые на поверхности армячины волокна шерсти полностью закрывают переплетения. Образовавшийся таким образом, *шекпен* приобретает свойства герметичности и водонепроницаемости. Бытовали два вида *сулық* – с рукавами и безрукавные. Безрукавные – представляют собой накидку с прорезами для рук в боковинах [Әлімбаев, 2017. 5-т.: 200]. Второй вид дождевика *кебенек* является наиболее древним видом. Его изготавливали из плотного тонкого войлока в виде плащ-накидки просторного покроя. Бытовали два вида *кебенек* – безрукавные и с широкими рукавами. Есть данные, что у казахов в историческом прошлом *кебенек* большей степенью использовался и как походная одежда воина [Ахметжан, 2017: 140–141]. На это обстоятельство косвенно указывает и поговорка «*Ерді кебенек ішінде таны*» (примерно, «*узнай бесстрашного одетым в кебенек*»). По всей вероятности, кебенек вышел из бытования уже к началу XX в.

Камзол – группа легкой распашной одежды с выкройной спинкой и приталенным станом без рукавов. Бытовали и типы одежды с вшитыми в пройму короткими рукавами до локтя. Полы *камзолов* доходили до середины бедра. Их носили все слои населения. Считается, что эта группа распашной одежды вошла в обиход начиная с середины XIX в. в результате межэтнических контактов с тюркоязычными народами европейской части России, главным образом с татарами и башкирами [Захарова, Ходжаева, 1964: 43; 45]. По покрою представляет собой переходный тип, сочетавший признаки туникообразной и выкройной одежды. Женские камзолы застегивались серебряными пряжками (*қапсырма*, *қаптырма* и т.д.) или крупными перламутровыми пуговицами (*тана*). Камзолы шились из шелка, бархата, плюша, нередко и дорогих сортов сукна. По бортам обшивались позументом, лентами с бахромой, серебром и монетами. Следует отметить, что казахские камзолы существенно отличались от татарских и башкирских аналогов, как по покрою, так и в отношении декора и отделки разнообразными украшениями. Как известно, подобное явление в науке объясняется принципом этнизации привнесенных извне как вещных, так и нематериальных ценностей [Чеснов, 1998: 82–99]. Номенклатура названий одежды характеризуется большим

«диалектным» разнообразием (*нымша, күрме зәлетке* и т.д.). Женские безрукавные камзолы (*жеңсіз камзол*) имели еще больше региональных названий: *кәзекей, кемзар, желетке, тірсекжең, күрме, қаркесте, кеудеше, көкірекше, шолақжең* и т.д. [Захарова, Ходжаева, 1964: 45, 86–91]. Очевидно, это связано с тем, что казахские женщины из-за исключительного удобства этого вида одежды, особенно в быту, им больше пользовались. При этом отметим, что в этих и других подобных названиях нашло отражение как общенациональные, так и региональные особенности этого весьма популярного вида одежды (кстати, сохранившего эту свою популярность среди казахских женщин сельской местности до конца прошлого столетия).

Верхняя поясная одежда. Существовали несколько видов верхних штанов, именуемых у казахов *шалбар* и *сым*. Их носили как мужчины, так и женщины. Большинство видов верхних штанов носило всесезонный характер. Их шили из домотканного сукна (*шекпен*), плотных покупных тканей, замши (*күдері*), дубленой кожи (*қыбықтырылған тері*), из гладких шкур годовалых жеребят шерстью наружу (*жарғақ шалбар*) и т. д. [Рис. 15]. При этом более просторно кроенные нарядные штаны из замши, дубленой кожи, шкур годовалых жеребят (*құлынжарғақ*), а также дорогих плотных привозных тканей украшались шелковой тамбурной вышивкой и позументами. Их штанины снизу с наружной стороны имели разрез – *айыр балақ*. Это объясняется тем, что они преимущественно носились навывпуск. Существовал особый вид штанов из стриженной овчины (*көн*) и сыромяти (*шленген шикі тері*), которые использовались, преимущественно, в различных сферах производственно-хозяйственной деятельности. Широко распространенные в кочевой среде последние виды *шалбар* характеризуются простотой изготовления и легкодоступностью материалов. Эти штаны также имели довольно широкую и низкую мотню на широком шагу вследствие вставки в нее в виде вытянутого ромба из того же материала. Отметим, что этот вид штанов характеризуется несколько узкими в поясе. Зимние *шалбар* шили из овчины, обращенной мехом во внутрь, а также из шерстяных и бумажных тканей, стеганных на шерсти, изредка и на вате. Следует отметить, что конструктивно мужские и женские штаны не имели особых различий, в большей степени отличаясь лишь в декоре.

Рис 15. Штаны мужские замшевые с вышивкой. Южный Казахстан. 1886 г. (ЦГМ РК. КП 7199)

При изготовлении таких штанов по всему периметру пояса пришивалась специальная подпояска из 2-3 слоев плотной ткани, шириной примерно 4-5 см, называемая у казахов «ышқырлық». При помощи продернутого через подпояску специально подготовленного шерстяного шнура (*шалбардың бауы* или *дамбалбау*) одежда крепилась к талии. При верховой езде такой *ышқырлық* позволял заправлять верхнюю одежду в штаны [Гладышев, 1851: 68; Захарова, Ходжаева, 1964: 39–40] [Рис. 16]. Русский исследователь фон Герн по этому поводу писал: «Отправляясь на охоту, на барымту, при организованных стычках с неприятелями киргизские (казахские – авт.) джигиты полы чапана и шекпен заправляли в штаны и подпоясывались» (Фон Герн, 1898: 59).

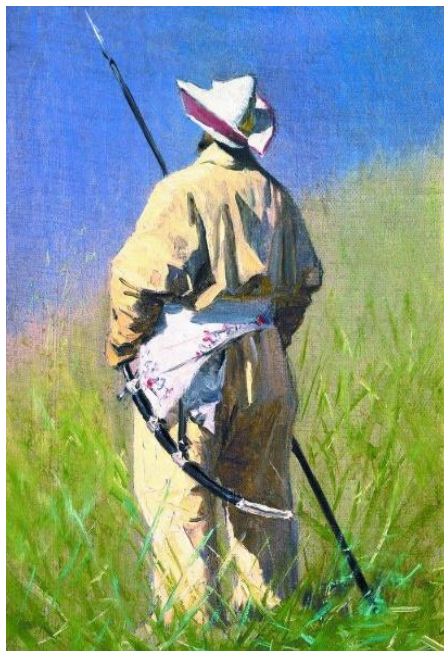

Рис 16. Верещагин В.В. Казак-воин в шапан (*шекпен*), заправленном в верхние штаны. 1869–1870 гг.

Верхние женские штаны, также называемые *шалбар*, по покрою и фасону практически не отличались от мужских аналогов. Они бытовали в казахских аулах и 20–30 г. прошлого столетия. Однако в отличие от мужских штанов женщины их носили только лишь при верховой езде, особенно во время сезонных перекочевков. Молодые женщины и девушки из состоятельных семей носили богато украшенные вышивкой и позументами нарядные штаны из замши, дубленой кожи, бархата и качественных плотных привозных материй. На юге сосватанные девушки нижнюю часть штанин обшивали мехом выдры и украшали вышивкой (утверждение ряда авторов о том, что эти виды поясной одежды женщин к концу XIX в. перестали бытовать – не соответствует действительности). На юго-восточной части Казахстана молодые женщины поверх штанов носили наколенники (*мізеқан*) [Захарова, Ходжаева, 1964: 84–85].

«Юбка» *белдемше* одна из архаичных видов распашной женской поясной одежды. Была распространена по всему Казахстану, особенно широко в южном, юго-восточном и восточном регионах Казахстана, а также в Кыргызстане [Захарова, Ходжаева, 1964: 98–102]. Исследователь Н.П. Лобачева *белдемше* рассматривает как один из системообразующих компонентов средневекового кыпчакского субстрата, сыгравшего выдающуюся роль в сложении традиционного костюмного комплекса таких родственных этносов, как казахи, кыргызы, каракалпаки и т.д. По ее мнению, наличие этого и других компонентов в традиционной одежде ряда центральноазиатских народов «...позволяет предположить, что в прошлом все они принадлежали костюму какого-то одного этнического образования, вошедшего в процессе этногенеза в состав нескольких народов региона. Этим этническим образованием были, очевидно, средневековые кипчаки – общий для всех названных народов и наиболее поздний этнический компонент (благодаря чему так четко сохранилось сходство по многим показателям в характеристиках ряда составных частей костюма). Этот этнический компонент – кипчакский – отличает казахов, киргизов, каракалпаков, отчасти современных узбеков, помнящих свою родовую принадлежность, некоторых групп туркмен от культуры других народов Средней Азии» [Лобачева, 2006: 69]. Сохранившийся до начала XX в. данный вид по покрою схож с фартуками (*шалғыш. алжапқыш*), но надевался сзади с передней завязкой пояса [Рис. 17]. Очевидно, именно поэтому *белдемше* у казахов имело также второе синонимическое обозначение *белшалғыш*, которое этимологизируется не иначе как фартук.

Рис 17. *Белдемше*. Женская поясная распашная одежда. Западный Жетысу. Нач. XX в. ЦГМ РК. КП 602

Существовали два типа *белдемше*. Первый кроился из трапецевидных, расширяющихся книзу полотнищ. Второй – из прямоугольных полотнищ, собранных у пояса [Захарова, Ходжаева, 1964: 98–102]. *Белдемше* первого типа шили из нескольких раскошенных книзу кусков ткани. Собранная из таких кусков «юбка» пришивалась сборами к широкому (до 9 см) поясу из тонкого войлока, обшитого тканью, затем простроченного. Последняя операция, очевидно, производилась для придания жесткости поясной части одежды. *Белдемше* шили из плотных тканей темных тонов, с шерстяной простроченной подкладкой. Встречались зимние типы *белдемше* из крытого тканью тонкого войлока, *жабагы* и овчины [Катанаев, 1983: 28]. Нарядные *белдемше* шили из дорогих тканей черных и красных цветов различных оттенков (сукно, шелк, бархат и др.). В старину *белдемше* входил в состав приданного невесты. *Белдемше* как один из видов старинной одежды имел и ритуальное значение. В историческом прошлом молодая замужняя женщина в момент наступления новой семейной жизни в присутствии близких родственниц и соседок по аулу была обязана совершить обряд одевания *белдемше*. Ритуал завершался обильным угощением приглашенных [Әлімбай, Қақабаев, 2017. 1-т. 632–633]. Вероятно, в данном случае это действие следует рассматривать как обряд инициации. Он означает «официальный» переход этой самой молодой женщины к категории потенциальных рожениц.

Нательная одежда. Традиционная нательная одежда казахов (*бой киім*) состояла из рубаш, платьев и нижних штанов. В ней более рельефно нашли отражение половозрастные отличия. Особым разнообразием фасонов характеризуются женские платья *көйлек*. Это название с несущественными фонетическими вариациями были одинаковы для многих тюркских народов: у татаров – *күлмәк*, у башкирских – *кулдәк*; у уйгуров – *көйнәк*, *көйнек*, у тувинцев-тоджинцев – *хойлен* и т.д. [Захарова, Ходжаева, 1964: 36, 39]. Вероятно, это объясняется раннесредневековым общетюркским культурно-этническим субстратом, послужившим основным импульсом сложения и развития впоследствии «этнизированных» национальных традиций бытования ряда предметов хозяйства и быта, в том числе и одежды [Вайнштейн, 1991: 291].

Мужская нательная одежда. В XVIII–XIX вв. бытовала мужская распашная нательная одежда туникообразного покроя. По данным И.В. Захаровой и Р.Д. Ходжаевой, она имела следующие названия: *жейде*, *жегде* и *желде* (при этом последнее также называлось *желден*) [Захарова, Ходжаева, 1964: 35]. Следует отметить, что экспедиционно зафиксированное учеными название *желде* и его дериват *желден* – этнографически очень важное уточнение, которое также имеет непреходящее значение и для отечественной лингвистики. От себя добавлю, что ареал бытования термина *жейде* не ограничивается только лишь регионами Южного и Восточного Казахстана, поскольку его применение имеет общетюркский характер. Вместе с тем как установили отечественные ученые-лингвисты, параллельно повсеместно употреблялось, и до сих пор употребляется понятие *көйлек* [Қазақ әдеби ..., 2011б: 220–221]. Впрочем, этот факт косвенно признается и самими авторами [Захарова, Ходжаева, 1964: 38, примечание]. *Жейде* шили широкой и длиной до колена или чуть ниже. Позже (со второй половины XIX в) получили распространение мужские нераспашные рубахи типа сорочек с прямым разрезом на груди (*көйлек*), с отложными или

стоячими воротниками. Отметим при этом, что эти рубашки шили из легкой хлопчатобумажной ткани ситца белого, пестрой бязи и маты на основе туникообразного покроя [Захарова, Ходжаева, 1964: 35–39]. С конца XIX в. получили распространение новые виды рубах с выкройной проймой, скошенным плечом и плечевым швом. На юге и востоке Казахстана туникообразные мужские рубахи сохранились до 30-х годов XX в. [Захарова, Ходжаева, 1964: 84–85]. Очевидно, это объясняется существованием в отмеченных регионах прежней (хотя весьма деформированной) хозяйственно-экономической системы, где одежда с традиционным покроем была все еще востребована. Нижние мужские штаны (*дамбал*) с просторным покроем шили из доступных видов хлопчатобумажных тканей. Как и вся верхняя поясная одежда, их делали низкой мотней на широком шагу. Такой покроем объясняется тем, что у дамбал, как, впрочем, и у шалбар, ширина шага обеспечивалась за счет вставки большого ромбовидного клина *үшкіл* [Захарова, Ходжаева, 1964: 39]. Как неотъемлемая часть покроя одежды, ее пояс также характеризовался широким. Разница между покроями *шалбар* и *дамбал* заключается в том, что штанины последнего делали недлинными – несколько ниже колен. К поясу крепился с продернутой вздержкой – *дамбал бау* рубец. Последний, называемый *ышқыр*, пришивался к поясу изделия. Данный первый тип по крою дамбал шили из узких полос ткани, предварительно соединенных (сшитых) между собой¹⁸ Широко бытовал зафиксированный учеными в процессе научной экспедиции другой второй тип *дамбал*. Достаточно подробно описанный покроем изделия также представляет исключительный научно-этнографический интерес. Отметим, что если описанный выше первый тип дамбал, хотя и в единичном экземпляре, имеется в фондах ЦГМ РК, то его вторая типологическая разновидность в отечественных музеях не встречается. Приведем содержащееся в монографии И.В. Захаровой и Р.Д. Ходжаевой его описание полностью: «...между прямыми и более узкими боковинами (штанинами) вшивался, начиная от пояса, длинный прямоугольник, образующий середину штанов, а между ним и штанинами вставлялись еще узкие треугольные клинья. Этот фасон был разновидностью первого покроя, когда штаны шились из очень узкой материи, или их делали очень широкими. Чаще такой покроем использовался для верхних штанов, особенно зимних» [Захарова, Ходжаева, 1964: 39]¹⁹.

Женская нательная одежда. Общеизвестно, что казахские женщины традиционно носили *ішкөйлек* (нижнее белье), *көйлек* (платье) и дамбал (нижние штаны), которые, согласно современной научной классификации, образует женскую нательную одежду. Этот очевидный на бытовом уровне факт начиная с советских времен стал предметом ряда специальных научных исследований.

Көйлек носили все возрастные категорий женщин. В зависимости от погодных условий поверх *көйлек* надевали различные типы верхней одежды: в теплое время года – камзол, бешмет и жадағай шапан и т. д. В межсезонье (весна, осень) – утепленные подкладкой бешпет, шапан и шекпен. Зимой – поверх шапана дополнительно надевали *күпі, ішік, тон* и т.д. Отметим, что традиционный туникообразный покроем *көйлек* сохранился практически до конца 30-х гг. XX в., а в некоторых регионах Казахстана – южном, юго-восточном, юго-западном, отчасти и западном – даже до середины прошлого столетия. Этим обстоятельством обусловлена и такая структурная особенность *көйлек*, как пришитые к станине широкие и длинные рукава. Платья были с прямым разрезом спереди, девичьи платья разреза не имели. Разрез одежды (*өңір*) обшивали полоской ткани другого цвета или украшали вышивкой. Для прикрытия груди девушки и невесты носили нагрудники – *алқа* или *өңірше*.

Как сообщают И.В. Захарова и Р.Д. Ходжаева, в конце XIX в. покроем женских платьев стал разнообразнее, появились платья с лифом и отрезной юбкой. При этом конструктивную основу лифа по-прежнему составлял туникообразный покроем. К нему пришивали собранную в сборку или сложенную в складку широкую юбку. «Девичьи юбки обшивались воланами, собранные в сборку в продолжение подола. К подолу и к рукавам пришивались дополнительные оборочки (*қосетек көйлек, желбезек көйлек*)» [Захарова, Ходжаева, 1964: 81]. Нижние женские штаны (*дамбал*) шили из хлопчатобумажной ткани различных расцветок. Их покроем был идентичен мужским штанам [Потапов, 1949: 67; Захарова, Ходжаева, 1964: 84]. По данным О.А. Сухаревой, отличие покроя

¹⁸ Этот тип нижней поясной одежды в единичном экземпляре сохранился только в собраниях ЦГМ РК (ЦГМ РК. Научно-вспомогательный фонд 5910).

¹⁹ В контексте сказанного не излишне будет отметить, что именно из таких описаний, особенно ныне полностью исчезнувших или ставших музейными экспонатами предметов традиционного быта и хозяйства казахов, собственно, и складывается необходимая источниковая база для научного моделирования процесса функционирования жизнеобеспечивающей системы кочевого социума.

женских дамбал заключалась в том, что на них длинная сторона ромба (*ушкіл*) мотни была обращена книзу, к штанинам (в то же время, как отмечает автор, на мужских штанах длинная сторона ромба на мотне была направлены кверху) [Сухарева, 1979: 96]. Женские штаны делали недлинными с заууженными штанинами, концы штанин отделявали вышивкой. В старину для пошива натальной одежды в основном использовались бумажные, шелковые и полуселковые ткани среднеазиатского и китайского производств. Со второй половины XIX в. резко возрастает доля российских хлопчатобумажных тканей. Заметим, что все эти нововведения, полностью «этнизировавшись», органически включились в казахский женский костюм.

Детская одежда по крою и материалам не особо отличалась от одежды взрослого. Только одежда младенцев и маленьких детей имела некоторые отличия, во многом обусловленные традиционными верованиями. Обязательными в детской одежде были следующие элементы, выполнявшие функцию оберега. По традиционным поверьям казахов они были призваны защищать ребенка от сглаза (*сұқ көз, жаман көз, сұқтана қарау* и т.д.) и порчи [Рис. 18].

Рис 18. Группа детей. Ақмолинская обл. Нач. XX в.
Фото К.В. Шенникова. Кунсткамера. Инв. № 1707-50

В этих целях к детской одежде в обязательном порядке пришивались перья или когти филина (*үкі*), раковины каури (*жыланбас*), амулеты с кораническими текстами (*тұмар*) и т.д. Первая рубашка (*иткөйлек*) носилась до исполнения ребенку 40 дней, после чего, в некоторых регионах его хранили как талисман, в других – передавали бездетной родственнице с пожеланием родить ребенка. Есть сведения, согласно которому его сжигали. То есть, будучи достаточно сакрализованным предметом, иткөйлек, в сущности, выступает и как амулет. Все это сопровождалось ритуально-обрядовыми действиями [Әлімбаев, Тойшанұлы, 2017. 3-т.: 102–103]. Подростковому ребенку одежду шили из мягких тканей с прокладкой из мягкой шерсти или козьего пуха. Детей одевали в теплые безрукавки *кэзекей*, курточки *бешпент* и *күртеше*, стеганные штанишки *шалбар* и *сым*. Швы детской одежды в обязательном порядке делали наружными. Это делалось для предотвращения потертостей тела. Покрой детской одежды старше 6–7-летнего возраста практически не отличался от одежды для взрослых.

Обувь. В условиях кочевничества основные виды обуви изготавливались из различных сортов кожи, специально выработанных прежде всего из шкур домашних животных на основе традиционных технологий. Самые распространенные из них кожаные сапоги. Бытовали разные типы сапогов, которые дифференцируются по роду хозяйственной деятельности и половозрастному признаку. Этнически характерным, экологически обусловленным всадническим типом безусловно являются сапоги с твердой подошвой, высокими голенищами и каблуками. Голенища таких сапог в виде раструба доходили до середины бедра и имели разрез под коленями – *жарма қоныш*. Сапоги же общего универсального назначения были с более низкими голенищами, доходившими до колена. Голенища таких сапог не имели выраженной формы раструба. Сезонные виды сапог отличались

толщиной кожи голенища и подошвы. Зимние сапоги были более просторны, поскольку их носили с портянками (*шұлғау*) или валяными чулками (*байпақ*) и т.д. Подошву зимних сапог *ұлтан* делали в несколько слоев, специально выработанных из толстых шкур крупного рогатого скота. Женские сапоги отличались тщательностью отделки и наличием богатого декора. При их отделке использовалась аппликация из кусочков кожи разных цветов, а также вышивка, металлические бляшки и т.д. Бытовали нарядные женские сапожки *кебіс*, сделанные из текстильных материалов с богатой вышивкой. При декорировании *кебіс* использовались кораллы, паетки и позументы [Захарова, Ходжаева, 1964: 74–78, 129; Казахи, 1995: 157]. По покрою казахские сапоги были башмаковидной формы. Это объясняется тем, что отдельно выкроенные верх (союзка) и подошва этой обуви по форме делались симметричными, то есть без разделения на правую и левую ногу. Начиная с 90-х гг. XIX в. в условиях господства имперских порядков по всей территории Казахского края казахский социум оказался в орбите интенсивных товарно-денежных отношений. Вследствие этого получили широкое распространение различные виды обуви фабричного производства. Казахские мастера начали пользоваться колодками, изначально предполагающими разделение обуви на правую и левую. Изготовленные такие виды обуви, в особенности сапоги, назывались *қисық табан етік*. Широко использовались и *саптама етік* (привычное название *саптама*) на высоком каблуке с высоким голенищем в виде раструба. Изготовленные просторно *саптама* носили с *байпаками* – валяной обувью из тонкого войлока. Как специфический тип сапог *саптама* бытовали у казахских скотоводов и в советское время – вплоть до конца 60-х гг. прошлого столетия. В единичных экземплярах сохранившийся в отечественных (ЦГМ РК) и российских музейных фондах (главным образом в собраниях РЭМ и Кунсткамера. Санкт-Петербург, Россия) *мықшима етік* – старинный тип сапог с загнутыми вверх носками и высокими голенищами с раструбом. Широко бытовали и вид сапог *жекей етік*, представляющих собой облегченный вид традиционных сапог на тонкой подошве, низкими подошвами [Әлімбаев, 2009: 272]. Их носили практически все слои населения в теплое время года.

Мәсі – ичиги с мягкой подошвой, голенищем ниже колен из мягкой тонкой кожи без каблуков. Нарядные женские *мәсі* шили узорными из сафьяна, зеленой, красной, лакированной кожи. Носили с кожаными калошами – *кебіс*. *Кебіс* в различных вариантах изготовления (*шоңқайма кебіс*, *қосай кебіс*, *көксауыр кебіс*) представляет собой кожаные калоши, надеваемые на сапоги, и *мәсі* при выходе из дома. Нарядные *кебіс* шили из качественной дубленой кожи, декорированной аппликацией, вышивкой и серебряными бляшками. Еще один этнически характерный, хозяйственно мотивированный тип обуви *шәркей* тоже изготавливали в различных вариантах (*шақай*, *шапата*, *шарық*), образующих группу простых кожаных поршней из сыромяти. Они надевались на сапоги и подвязывались шнурками из сыромятных тонких ремней. В таком виде использовались при непогоде и выполнении грязных работ.

Значительная роль в традиционном женском казахском костюме отводилась его таким элементам, как нагрудники (*өңірше*, *алқа*, *омырауша*), нарукавники (*жеңсе*, *жеңұшы*, *қолперде*), наколенники (*тізеқан*), чехлы для кос (*шаиқан*) (Рис. 19). Они помимо функционального значения, выполняли и существенную эстетическую функцию, а также функцию оберега от носителей злых намерений. Нагрудники (*өңір*, *өңірше*, *алқа*, *омырауша*) были характерной деталью нарядного костюма незамужних женщин. Судя по фондовым и экспозиционным материалам отечественных и российских музеев (РЭМ, Кунсткамера и т.д.), бытовали различные формы нагрудников – полукруглые, прямоугольные и трапецеобразные. По словам И.В. Захаровой и Р.Д. Ходжаевой, нагрудник как вид украшений являлся и необходимым элементом свадебного костюма невесты. В таком качестве выполнял эстетическую функцию. Вместе с тем согласно традиционным поверьям кочевников, нагрудник обладал и магическим свойством защиты женщин (в особенности, невесту) от нечистой силы, то есть выполнял функцию и амулета. Надетый поверх платья нагрудник закрывал грудную часть молодой женщины (и невесты). Преимущественно сшитые из бархата и парчи нагрудники с лицевой стороны вышивались разноцветными шелковыми нитями (*кестелеу*) и канителью (*зерлеу*), края – обшивались бахромой (*шашақтау*). По утверждению И.В. Захаровой и Р.Д. Ходжаевой, в Северном и Центральном Казахстане нагрудники полностью «обшивались серебряными монетами, кораллами и низками бисера» [Захарова, Ходжаева, 1964: 95–97]. Как правило, нагрудники носили до замужества, замужние – до первого кимешек.

Наколенники – *тізеқан*, сохранившиеся в небольшом количестве в отечественных и российских музейных собраниях, также являлись составной частью женского костюма. О бытовании в Юго-

Восточном Казахстане такого элемента женской одежды пишут и И.В. Захарова и Р.Д. Ходжаева. В процессе своих экспедиционных обследований (в течение второй половины 50–70 годов XX в.) различных регионов Казахстана им, в частности, удалось собрать уникальные этнографические сведения о таких исчезнувших предметах традиционного быта, как *тізеқап* (наколенники), *шаиқап* (накосники) и *жеңсе* (нарукавники). Ими производилось сравнительное изучение этих и других экспедиционно обнаруженных полевых материалов с соответствующими музейными артефактами (главным образом из коллекций РЭМ и ЦГМ Казахстана). Согласно уточненным данным, *тізеқап* в историческом прошлом преимущественно использовались женщинами.

Рис. 19. *Шаиқап*. Начало XX в. Адаевский округ. Актюбинской губ. Из коллекции Российского этнографического музея. Инв. № 5525-16

Их надевали поверх штанин в холодное время года. Пожилые женщины носили утепленные *тізеқап* на шерстяной подкладке. Установлено также, что «молодые женщины их шили из ярких дорогих тканей и украшали вышивкой» (Захарова, Ходжаева, 1964: 85). Другой обнаруженный этими исследователями еще один этнографический артефакт называется *шаиқап* [Рис. 14]. Он представляет собой чехол-накосник конической формы. Изготовленный из шерстяных, шелковых и хлопчатобумажных тканей *шаиқап* использовался молодыми замужними женщинами. Нарядные *шаиқап* шили из дорогих тканей, преимущественно красных или черных цветов. Они нередко декорировались богатой вышивкой, цветными нитками, бисером, канителью и бахромой [Захарова, Ходжаева, 1964: 104–106; Әлімбай, Шойбеков, 2017, 5-т.: 654]. Бытовали два типа *шаиқап*. Первый – представляет собой пару мешочков в форме вытянутого треугольника, в которые укладывали каждую косу в отдельности (РЭМ. Инв. № 5525-16), второй сделан в «саукелеобразной» форме, в который заправляли обе косы (ЦГМ РК. КП 9386). Кроме практически-утилитарного значения (защита от солнца и пыли), традиционные поверья *шаиқап* приписывали и функции оберега, призванного обеспечить защиту от сглаза и порчи [Әлімбай, 2017, 5-т.: 648–651]. Характерно, что прежде ими пользовались преимущественно в западных регионах Казахстана, в особенности, Мангыстауском. Как установлено учеными, уже к началу XX в. нагрудники и наколенники стали редкими и практически ими не пользовались [Захарова, Ходжаева, 1964: 85].

Еще одним существенным элементом женской одежды были нарукавники – *жеңсе*. Они шились из ярких тканей, украшались вышивкой и оторачивались мехом [Захарова, Ходжаева, 1964: 90; Казахи, 1995: 172]. Вместе с тем *жеңсе* использовался и в сфере трудовой деятельности – сделанное из простой ткани изделие предохраняло рукава одежды от загрязнения и износа. Есть данные об использовании богатыми казахскими женщинами золотых и серебряных *жеңсе*, по всей вероятности заимствованных у туркменских ювелиров.

Факт бытования в XVIII в. еще одного изысканного элемента костюма богатых казахских женщин – нарядного нарукавника из дорогих тканей впервые был зафиксирован и частично описан Х. Барданесом. Как сообщает исследователь, нарукавники были съемными и пристегивались к рукавам нарядных костюмов и являлись их неотъемлемой частью. При этом, особый интерес представляет та часть его труда, в которой сообщается о наличии двух названий нарукавника: *жеңушы* и *қолперде* [Барданес, 2007: 177]. По всей вероятности, уже к началу 90-х гг. XIX в. данный

элемент женского костюма вышел из обихода. Во всяком случае, насколько нам известно, в досоветских источниках после этого времени соответствующие сведения до сих пор не обнаружены.

Социальные функции. В традиционной одежде казахов, как, впрочем, и других этносов, представлены социальная, институциональная и половозрастная структуры социума. В нем даже нашли отражение родоплеменные составляющие казахского этноса, понимаемые как генеалогически самоорганизованные территориальные формы таксономически разноранговых социальных систем (род, племя, жуз). В системе идентификационных установлений и практик казахов традиционный костюм высших привилегированных слоев кочевой аристократии (ханы, султаны, бии, баи, *рубасы*, и т.д.) был призван демонстрировать санкционированные традицией благородное происхождение и высокий институциональный статус владельца. При одинаковости фасонов, в известной мере и даже способов сезонного ношения элитарность, престижность одежды достигалась использованием дорогих материалов и богатой декоративной отделки [Ерофеева, Усманова, 2014: 644–647, 650].

Известно, что традиционно верхняя одежда вкупе с конем, оружием, дорогими коврами, мехами (нередко и тканями) составляла комплект ценностей, называемый у кочевников *бесжақсы* (букв. *пять хороших вещей*). В доколониальный период в истории Казахстана нередко приносимый в дар *бесжақсы* представителями верховной власти кочевого социума в лице ханов (а также из числа наиболее авторитетных султанов и верховных биев – *тобе би*) правителям соседних государств символизировал их особое дружественное отношение к последним. То есть правящей элитой социума *бесжақсы* использовался в сфере межгосударственных отношений как инструмент установления взаимовыгодных хозяйственных и политических контактов [Ерофеева, Усманова, 2014: 644–645]. Дорогая верхняя одежда как самостоятельная ценность в социуме выполняла также весьма важную коммуникативную функцию – ею нередко одаривались почетные гости, а также лица за значимые для этнического коллектива (аул и община-род) заслуги и т.д. И не только. Как известно, при проведении общественно значимых мероприятий особо ценимый в кочевой среде комплект ценностей – *уштоғыз* (букв. *три девятки*) и *тоғыз* (букв. *девятка*) использовался в качестве поощрения, награды и призов особо уважаемых личностей. В состав такого комплекта, кроме отборных видов скота, оружия, а также дорогих ковров, непременно входили и престижные виды верхней одежды, называемые *жағалы киім* (крытые бархатом, шелком, атласом шубы с меховыми воротниками, шелковые халаты на подкладе (*жібек шапан* и т.д.) [Уэли, 2017а: 642–643; Әлімбай, 2017. 5-т.: 386–387]. Комплект также использовался и при отправлении таких особо важных для социума ритуально-обрядовых действий, как рождение ребенка, сватовство, женитьба, поминки и т.д. [Уэли, 2017б: 451; Уэли, 2017в: 739–740; Әлімбай, Кенжахметұлы, 2017. 3-т.: 275–276; Қатран, 2017. 2-т.: 362–363; Әлімбай, Смағұлов, Қатран, 2017, 1-т.: 276–285). Вместе с тем престижная верхняя одежда, играла значительную роль как одно из средств обычно-правого регулирования внутриэтнических отношений в социуме. В частности, такая одежда являлась неотъемлемой частью штрафа (*құн*) в виде материальных ценностей, которому по судебному решению биев, подвергался субъект (или субъекты) правонарушения. В контексте сказанного нетрудно убедиться в том, что одежда выступает и как один из «инструментальных» компонентов разноуровневых социальных отношений. Такая инструментальная функция одежды опосредуется социально целеполагающей деятельностью членов социума.

Цветосимволика. В обозначении социальной принадлежности носителя костюма исключительное значение также имел и цвет одежды. В цветовой гамме дорогих материалов одежды представителей казахской кочевой аристократии, властных структур, а также в свадебном костюме жениха и невесты [Қазақтың дәстүрлі..., 2009: 344] в основном преобладали красный, синий и зеленый цвета. Но все же доминировал красный цвет различных оттенков (пурпурный, ярко-красный (*қырмызы*, *алқызыл*), малиновый, алый, бордовый, терракотовый, темно-красный, кармин и т.д.). Следует отметить, что традиция ношения одежды из материалов красного цвета восходит к эпохе ранних кочевников, именуемых в науке и как носители цивилизации конных номадов. Покрытые материалами красного цвета головные уборы и различных видов преимущественно верхняя одежда археологами разных поколений были обнаружены во многих сакских, скифских, сармато-савроматских захоронениях. По свидетельству известного исследователя древностей Казахстана А.К. Акишева, имеются «данные о почитании красного цвета и усунями» [Акишев, 1984: 130]. Контекст этого обстоятельства также достаточно удовлетворительно объясняет смысловую нагрузку церемонии вручения китайским императорским двором высокопоставленным представителям усуньского гуньмо «золотых печатей с пурпурными шнурами» [Акишев, 1984: 130]. В

цветосимволике одежды высших привилегированных социальных слоев средневековых социумов, в особенности правителей, также господствовал красный цвет. Обратимся к сведению, которым оперирует А.К. Акишев, ссылаясь на сообщения средневекового арабского летописца Ал-Идриси. По сообщению последнего «...знатные кимеки носили одежду из красного и желтого шелков...» [Акишев, 1984: 130].

Вопреки традиционно существующим в науке мнениям, материалы желтого цвета в качестве покрытия верхней одежды либо при изготовлении отдельного вида традиционного костюма не использовались. Вероятно, это объясняется тем, что желтый цвет у кочевников-казахов традиционно ассоциировался с состоянием человеческой скорби и печали. К примеру, согласно обычно-правовой традиции казахов, сторона виновного в насильственной смерти человека уплачивала стороне покойного *қара құн* (букв. «черный кун»). В его состав входил и *сары жаулық* (желтый платок), который вдова погибшего носила в течение года в знак траура [Әлімбаев, 2017: 119]. Однако данное обстоятельство отнюдь не исключало необходимости использования особенно в декоре дорогой одежды немалых отделочных декоративных материалов желтого цвета самых различных оттенков (вышивка (*оқа, зер*), позументы, тесьма, бахрама, кисти, пуговицы, пряжки и т. д.). Эти и другие декоративные элементы желтого цвета, ассоциируемого со цветом золота (возможно и с солнечными лучами), вкупе с дорогим материалом придавали одежде необходимую торжественность и подчеркивали высокородную статусную позицию человека. Эффект красного усиливался использованием в отделке преимущественно насыщенно желтых, золотистых элементов декора (золотошвейная вышивка, вышивка желтыми шелковыми нитями, позумент золотистого цвета и т.д.). В таком качестве одежда кочевой элиты, в особенности чингизидов, изготовленная из престижных тканей красного цвета различных оттенков с использованием дорогой пушнины была призвана подчеркнуть благородное происхождение и исключительный социальный статус ее носителей в социуме [Ерофеева, Усманова, 2014: 644–648]. Таким образом отмеченная институциональная функция такой одежды благодаря ее цветосимволике намного усиливается. В этом смысле красный и насыщенный желтый цвет одежды элитариев номадов, семантический ассоциируемый с солнцем, а также источником жизненных сил – кровью, выполняет и магически воздействующую на окружение функцию [Акишев, 1984: 127–145].

В цветовой символике нашли отражение и традиционная концепция мироустройства кочевников, в сложении которой безусловно решающую роль играл многовековой опыт взаимодействия степняков с естественной средой обитания. Цветовая гамма одежды вкупе с вышитым декором была призвана подчеркнуть ее архитектуру и функции [Акишев, 1984: 7–9]. И не только. От себя добавлю: цветосимволика и декор одежды также означают актуально действующих связей номада с окружением – социальным и природным.

Закключение. Экологически детерминированная, хозяйственно-культурно мотивированная потребность номадов обуславливала сложение особых видов одежды. По своим жизнеобеспечивающим параметрам она полностью соответствовала всем условиям и вызовам суровых доминантных характеристик степной экосистемы. Это обстоятельство, в первую очередь, проявлялось в материалах, покрое, технологии шитья и способах сезонного пользования одеждой и т.д. Такой тип одежды казахов сложился как один из составляющих жизнеобеспечивающей системы кочевого социума, понимаемого и в качестве главенствующей организационной формы многовековой стратегии природопользования у номадов. В этом смысле жизнеобеспечивающая система выступает своего рода как «технологический» механизм функционирования этой стратегии, поскольку является и механизмом воспроизводства средств к жизни и самой жизни в жестких природно-климатических условиях природного окружения. Истоки данной системы, вероятно, восходят к эпохе ранних кочевников – носителей конно-кочевой цивилизации. Она в своих основных структурообразующих компонентах (мобильные предметы быта и хозяйства, в том числе и одежда) практически полностью сложилась в древнетюркскую эпоху (С.И. Вайнштейн). Это обстоятельство с полным основанием следует квалифицировать не иначе как общетюркский культурогенез кочевнического типа. Одежда кочевников выступала в качестве одного из фундаментальных факторов экологически обусловленных, хозяйственно мотивированных сбалансированных отношений с природным окружением. Такие отношения посредством системы жизнеобеспечения активно способствовали эффективной реализации кочевнической стратегии эксплуатации ресурсов естественной среды обитания. Одежда в системе жизнеобеспечения вкупе с другими ее составляющими выполняла и адаптирующую функцию, то есть функцию адаптации ресурсного потенциала естественной среды

обитания к хозяйственным нуждам кочевников. В то же время являлась одним из универсальных средств организации и социальных отношений в обществе.

В составе одежды представлены социальная и половозрастная структуры социума. В нем даже нашли отражение родоплеменные составляющие этноса, понимаемые как генеалогически самоорганизованные территориальные формы таксономически разноранговых социальные системы (род, племя, жуз).

До конца XIX в. казахская одежда в основном сохраняла традиционные типы покроя. Однако целенаправленно и перманентно реализованный Российской империей в Казахстане во второй половине XIX в. цикл социально-экономических и территориально-управленческих реформ неизмеримо активизировал и без того доселе глубоко зашедший кризис казахского социума. После этих деструктивных по отношению к традиционному образу жизни реформ кочевой социум как высшая социальная форма самоорганизации коренного населения практически прекратил свое многовековое существование. В новых условиях казахскому этносу пришлось адаптироваться, в частности, путем структурного изменения прежней жизнеобеспечивающей системы. Одним из проявлений такого рода адаптивно-адаптирующей деятельности этноса выступают и привнесенные извне некоторые нововведения в составе национальной одежды. В конце XIX в. традиционный костюм претерпевает изменения в составе и покрое. Получили широкое распространение укороченные и слегка приталенные типы распашной одежды с втачными рукавами. При этом все они стали застегиваться пуговицами по всей длине. Получили распространение и новые виды рубаш с выкройной проймой, скошенным плечом и плечевым швом. И в обиходе казахских женщин все большее распространение получают доселе неизвестные виды одежды. В частности, девушки и молодые замужние женщины стали носить платки и шали фабричного производства и т.д.

Литература

Абрамзон, 1953 – *Абрамзон С.М.* Этнографический альбом художника П.М. Кошарова (1857 г.) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Москва, Ленинград, 1953. Т. XIV. С. 147–167.

Азиатская Россия, 1914 – *Азиатская Россия*. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. Санкт-Петербург, 1914. 663 с.

Акишев, 1984 – *Акишев А.К.* Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука, 1984. 176 с.

Алимбай, Муканов, Аргынбаев, 1998 – *Алимбай Н., Муканов М.С., Аргынбаев Х.* Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории. Алматы: Ғылым, 1998. 234 с.

Алимбай, 2020 – *Алимбай Н.* Семипоколенная экзогамная структура «Жетіата» как община-социум (к проблеме совпадения рода и общины у казахов-кочевников) // *Turkic Studies Journal*. 2020. Vol. 2. Number. 4. С. 7–26.

Алимбай, 2024 – *Алимбай Н.* Русификация традиционного топонимического ландшафта как направление и завершающий акт крестьянской колонизации Казахского края (вторая половина XIX – 1917 г.) // Материалы международной научно-практической конференции: «Актуальные проблемы этнологии, антропологии и музеологии на Евразийском пространстве: традиции и инновации». 30 март 2024 г. Алматы: Қазақ университеті, 2024. С. 269–272.

Аполлова, 1960 – *Аполлова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. Москва: Изд. АН СССР, 1960. 456 с.

Аргынбаев, Захарова, 1961 – *Аргынбаев Х., Захарова И.В.* 1958 ж. Оңтүстік Қазақстан облысына ұйымдастырылған этнографиялық экспедиция жұмысының қорытындысы // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. Алма-Ата: Изд.АН КазССР, 1961. С. 92–118.

Аргынбаев, 1962 – *Аргынбаев Х.* Краткий очерк материальной культуры переселенцев из России в Казахстан // Вопросы этнографии и антропологии Казахстана. Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1962. С. 138–167.

Аргынбаев, 1969 – *Аргынбаев Х.* Қазақтың мал шаруашылығы жайында этнографиялық очерк. Алматы: Ғылым, 1969. 172 б.

Ахметжан, 2007 – *Ахметжан К.С.* Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы: Алматы кітап, 2007. 216 с.

Ахметжан, 2017. 3-т. – *Ахметжан Қ.* Кебенек // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбаев. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 3-т. 140–141-бб.

Әлімбай, 2009 – *Әлімбай Н.* Дәстүрлі киім-кешек – этностың тіршілікқамы жүйесінің негізгі компоненттерінің бірі // Қазақтың дәстүрлі киім-кешегі. Ғылыми каталог. Алматы: Өнер, 2009. 7–15-бб.

Әлімбай, 2009 – *Әлімбай Н.* Бас киімдер // Қазақтың дәстүрлі киім-кешегі. Ғылыми каталог. 2009. С. 18–23.

Әлімбай, 2015 – *Әлімбай Н.* Дәстүрлі қазақ қоғамындағы хан билігі институтына қатысты негізгі ұғымдар жөнінде // Қазақ болып қалыптасқан ғасырлар. Тараз: DanAi, 2015. 207–230-бб.

Әлімбай, 2016 – *Әлімбай Н.* Қазақ кісесі: зерттелуі, құрылымы, типологиясы, функциясы (Шоқан Уәлиханов еңбегінің қисыны тұрғысынан) // Қазақ тарихы. 2016. 50–64-бб.

Әлімбай, Смағұлов, Қатран, 2017. 1-т. – *Әлімбай Н., Смағұлов Е., Қатран Д.* Ас беру / Ас // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбай. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 1-т. 276–285-бб.

Әлімбай, Қатран, 2017 – *Әлімбай Н., Қатран Д.* Баскиім // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбай. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 1-т. 558–563-бб.

Әлімбай, Қақабаев, 2017. 1-т. – *Әлімбай Н., Қақабаев Б.* Белдемше // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбай. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 1-т. 632–633-бб.

Әлімбай, Қақабаев, 2017, 1-т – *Әлімбай Н., Қақабаев Б.* Белдік // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбай. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 1-т. 635–638-бб.

Әлімбай, 2017, 2-т. – *Әлімбай Н.* Жабағы күпі // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбай. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 2-т. 243 б.

Әлімбай, Қақабаев, 2017, 2-т. – *Әлімбай Н., Қақабаев Б.* Жейде / Көйлек // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбай. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 2-т. 398–399-бб.

Әлімбай, Қақабаев, 2019. 2-т. – *Әлімбай Н., Қақабаев Б.* Кимешек // Қазақстан тарихы. Энциклопедия. 2019. 2-т. 245–249-б

Әлімбай, Қақабаев, Смағұлов, 2024 – *Әлімбай Н., Қақабаев Б., Смағұлов Б.* Қазақтың ежелгі астағам жүйесінің тарихи этнографиясы (XVIII – советтік кезеңнің алғашқы онжылдығы) // Отан тарихы. 2024. № 27 (4). 829–870-бб.

Әлімбай, Тойшанұлы, 2017. 3-т. – *Әлімбай Н., Тойшанұлы А.* Иткөйлек/ Итжейде // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбай. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 3-т. 102–103-бб.

Әлімбай, 2017, 3-т – *Әлімбай Н.* Киім-кешек // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбай. 3-т. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 266–275-бб.

Әлімбай, 2017. 3-т. – *Әлімбай Н.* Киім-кешек // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбай. 3-т. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 424–425-бб.

Әлімбай, Кенжахметұлы, 2017. 3-т. – *Әлімбай Н., Кенжахметұлы С.* Киіт // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбай. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 3-т. 275–276-бб.

Әлімбай, 2017, 4-т. – *Әлімбай Н.* Құтпан мал // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбай. 4-т. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 124–125-бб.

Әлімбай, 2017. 3-т. – *Әлімбай Н.* Күпі // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбай. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 3-т. 424–425-бб.

Әлімбай, 2017, 3 -т. – *Әлімбай Н.* Қаба шапан // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбай. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 3-т. 474 б.

Әлімбай, Қатран, 2017. 5-т – Әлімбай Н., Қатран Д. Тақия // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбай. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 5-т. 289–290-бб.

Әлімбай, 2017, 5-т. – Әлімбай Н. Сары жаулық // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Ғылыми редактор және жоба жетекшісі Н. Әлімбай. Энциклопедия. 5т. Алматы: «Алем Даму. Интеграция» ЖШС, 2017. 119 б.

Әлімбай, 2017. 5-т. – Әлімбай Н. Сулық // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Ғылыми редактор және жоба жетекшісі Н. Әлімбай. Энциклопедия. 5т. Алматы: «Алем Даму. Интеграция» ЖШС, 2017. 200 б.

Әлімбай, 2017. 5-т. – Әлімбай Н. Тоғыз беру // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Ғылыми редактор және жоба жетекшісі Н. Әлімбай. Энциклопедия. 5т. Алматы: «Алем Даму. Интеграция» ЖШС, 2017. 386–387-бб.

Әлімбай, 2017. 5-т. – Әлімбай Н. Тыйым // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбай. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 5-т. 517 б.

Әлімбай, 2017. 5т. – Әлімбай Н., Т. Болсынбек. Тымақ / Тұмақ // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбай. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 5-т. 517–519-бб.

Әлімбай, 2019. № 2 (169). – Әлімбай Н. Қазақы елтірі: көшпелі ортадағы ұғымдық мән-мағынасы, дайындалу технологиясы, кәдеге жаратылуы // Қазақ тарихы. 2019. № 2 (169). 31–34-бб.

Әлімбай, Қатран, 2017 – Әлімбай Н. Қатран Д. Шылауыш // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбай. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 5-т. 708–710-б

Әлімбай, Шойбеков, 2019а – Әлімбай Н., Шойбеков Р. Мұрақ // Қазақстан тарихы. Энциклопедия / Жалпы ред. басқарған З.Е. Қабылдинов. Алматы: Литера-М. ЖШС, 2019. 2-т. 28 б.

Әлімбай, Шойбеков, 2019б – Әлімбай Н. Р. Шойбеков. Тон // Қазақстан тарихы. Энциклопедия / Жалпы ред. басқарған З.Е. Қабылдинов. Алматы: Литера-М. ЖШС, 2019. 3-т. 499–500-бб.

Әлімбай, Шойбеков, 2017в – Әлімбай Н., Шойбеков Р. Шашқап // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбай. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 5-т. 654 б.

Барданес, 2007 – Барданес Х. Киргизская или казацкая хореография // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. IV. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 93–194.

Барминцев, 1958 – Барминцев Ю.Н. Эволюция конских пород в Казахстане: Опыт зоотехн. исследования проблемы породообразования. Алма-Ата: Казгосиздат, 1958. 284 с.

Батраков, 1958 – Батраков В.С. Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем (с XV до половины XVIII века). Ташкент: Изд. САГУ, 1958. 104 с.

Бежкович, 1953 – Бежкович А.С. Этнографические рисунки Вл. Плотникова по быту казахов в 1859–1863 гг. // Советская этнография. 1953. № 4. С. 113–119.

Белдік / Белбеу, 2017. 1-т. – Белдік / Белбеу // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбай. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 1-т. 635–638-бб.

Бродовский, 1875 – Бродовский М.И. Технические производства в Туркестанском крае. Санкт-Петербург, 1875. 99 с.

Броневский, 1830, № 117 – Броневский С.Б. Записки о киргизах-кайсаках Средней орды // Отечественные записки. 1830. № 117. С. 400–420.

Броневский, 1830, № 120 – Броневский С.Б. Записки о киргизах-кайсаках Средней орды // Отечественные записки. 1830. № 120. С. 75–364.

Броневский, 1830, № 123 – Броневский С.Б. Записки о киргизах-кайсаках Средней орды // Отечественные записки. 1830. № 123. С. 70–285.

Брэм, 1891 – Брэм А.Э. Жизнь на севере и юге: от Северного полюса до экватора / перевод с нем. Д.А. Коропчевского. Санкт-Петербург: Изд. Ф. Павленкова, 1891. 446 с.

Болсынбек, 2017. 1-т. – Болсынбек Т. Бөртпе шәлі // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбай. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 1-т. 710 б.

Будагов, 1871 – *Будагов Л.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык: в 2-х т. Т. II. Санкт-Петербург: Тип. АН, 1869. 415 с.

Букейханов, 2018а – *Букейханов А.* Овцеводство в Степном крае // Элихан Бөкейхан. Сочинения. Т. III. Астана: «Алашорда» қоғамдық қоры. 2018. С. 63–120.

Букейханов, 2018б – *Букейханов А.* Скотоводство // Элихан Бөкейхан. Сочинения. Т. III. Астана: «Алашорда» қоғамдық қоры, 2018. С. 227–249.

Вайнштейн, 1991 – *Вайнштейн С.И.* Мир кочевников центра Азии. Москва: Наука, 1991. 291 с.

Валиханов, 1984 – *Валиханов Ч.* Замечания на третью часть описания киргиз-казачьих орд (А.И. Левшина) // Собрание сочинения. Т. 1. Алматы. 1984. 432 с.

Валиханов, 1904 – *Валиханов Ч.* Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи // Записки Русского географического общества. Т. XXIX / Под ред. Н.И. Веселовского. Санкт-Петербург, 1904. 37–40 с.

Военная энциклопедия, 1911 – Военная энциклопедия. Под ред. В.Ф. Новицкого. Санкт-Петербург: Тип. И. Д. Сытина, 1911. Т. 4. 646 с.

Востров, 1955 – *Востров В.В.* Итоги этнографической экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН КазССР за 1955 год. // Известия АН КазССР, серия история, философия, экономика и права. Алма-Ата, 1955. Вып. 2 (5). С. 94–105.

Вульфсон, 1913 – *Вульфсон Э.С.* Киргизы. Москва: Торг. д. С. Курнин и К, 1913. 80 с.

Георги, 1799 – *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. В четырех частях. Санкт-Петербург: Император. акад. наук, 1799. Ч. 2. О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения северных сибирских. 178 с.

Гладышев, 1851 – *Гладышев и Муравин.* Поездка из Орска в Хиву и обратно в 1740–1741 гг. совершенная поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным. Санкт-Петербург, 1851. 93 с.

Деңмент белбеу, 2017, 2-т. – *Деңмент белбеу* // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбай. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 2-т. 59–60–66.

Добржанский, Лус, Медведев, 1927 – *Добржанский Ф.Г., Лус Я.Я., Медведев Н.Н.* Домашние животные юго-восточной части Казакстана (Семиречья). Ленинград: Изд. АН СССР, 1927. 328 с.

Добросмыслов, 1895 – *Добросмыслов А.И.* Скотоводство в Тургайской области. Оренбург: Тип. И.Н. Жаринова, 1895. 360 с.

Древнетюркский словарь, 1969 – *Древнетюркский словарь* / Редакторы В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Ленинград: Наука, 1969. 677 с.

Ерофеева, Усманова, 2014 – *Ерофеева И.В., Усманова Э.Р.* Внешние знаки отличия правящей казахской элиты XVII – первой четверти XIX века // Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675 – 1821 гг. Сборник исторических документов в 2-х томах. Т. 1: Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. Отв. ред. И. В. Ерофеева. Алматы: АО «АБДИ Компани, 2014. С. 643–668.

Жарғақ / Жарғақ тон, 2017 – *Жарғақ / Жарғақ тон* // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбай. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 2-т. 351 б.

Жәнібеков, 1996 – *Жәнібеков Ө.* Қазақ киімі. Алматы: Өнер, 1996. 192 б.

Жиренчин, 1948 – *Жиренчин А.* Работа научной экспедиции Центрального музея Казахстана в 1947 г. // Вестник АН КазССР. 1948. № 2. С. 79–80.

Записки саратовского, 1852 – *Записки саратовского купца Я.П. Жаркова* о киргизах 1852 г. // Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII – середины XIX века. Астана 2012 С. 432–497.

Заметки по производительности..., 1872 – *Заметки по производительности* Туркестанского края по отношению к войскам в нем расположенных // Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки. Вып. 3. Под. ред. В.Н. Троцкого. Санкт-Петербург: Тип. тов. «Общественная польза». 1872. 246 с.

Захарова, 1956 – *Захарова И.В.* Материальная культура казахов-колхозников Юго-Восточного Казахстана (по материалам Алма-Атинской и Джамбульской областей) // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т.3. Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1956. С. 105–189.

Захарова, 1959 – *Захарова И.В.* Об итогах этнографических экспедиции 1955–1956 гг. // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т.6. Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1959. С. 3–18.

Захарова, Ходжаева, 1962 – *Захарова И.В., Ходжаева Р.Д.* Одежда казахов Семиречья (по материалам экспедиции 1960 – 1961 годов в Талды-Курганский район Алма-Атинской области.) // Вопрос этнографии и антропологии Казахстана. Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1962. С. 35–53.

Захарова, Ходжаева, 1964 – *Захарова И.В., Ходжаева Р.Д.* Казахская национальная одежда (XIX – начало XX века). Алма-Ата: Наука, 1964. 178 с.

Захарова, Ходжаева, 1989 – *Захарова И.В., Ходжаева Р.Д.* Головные уборы казахов (опыт локальной классификации) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана / Отв. ред. Н.П. Лобачева, М.В. Сазонова. Москва: Наука, 1989. С. 204–227.

Ильминский 1860 – *Ильминский С.Н.* Материалы по изучению киргизского наречия (С.Н. Ильминского) // Ученые записки за 1860 год. Книжка IV. Казань, 1860. С. 51–165.

Ищенко, Казбеков, Ларин, Щелоков, 1928 – *Ищенко М.М., Казбеков И.С., Ларин И.В., Щелоков Б.К.* Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда. Отчет о работах почвенно-ботанического отряда Казакстанской экспедиции Академии наук СССР. Вып. VI. Ленинград: Изд. АН СССР, 1928. 217 с.

Казахи, 1995 – *Казахи.* Алматы: Казахстан, 1995. 352 с.

Какабаев, 2013 – *Какабаев Б.С.* Жабағы күпі – особый вид верхней одежды казахов // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки». Алматы, 2013. № 1 (36). С. 50–56.

Катанаев, 1893 – *Катанаев Г.Е.* Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке (к вопросу о культурном взаимодействии рас) // ЗЗСОИРГО. Омск, 1893. Кн. XV. Вып. II. 38 с.

Киреевский, 1874 – *Киреевский И.* Флора наших Среднеазиатских владений по алфавитному порядку. Туземные названия растений. Санкт-Петербург, 1874. 297 с.

Койчубаев, 1984 – *Койчубаев Е.* Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата: Наука. 1974. 275 с.

Коллекция РЭМ – Коллекция Российского Этнографического Музея

Кононов, 1978 – *Кононов А.Н.* Семантика цветообозначения в тюркских языках // Тюркологический сборник. Москва: Наука, 1975. С. 159–179.

Корбе, 1949 – *Корбе О.А.* Программа этнографического изучения казахского колхозного аула // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1949. Вып. 6. С. 37–46.

Корбе, Махова, 1951 – *Корбе О.А., Махова Е.И.* Экспедиция в Казахстан (1950) // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1951 Вып. 16. С. 39–53.

Краузе, 1872 – *Краузе И.* Заметки о красильном искусстве туземцев // Русский Туркестан. Москва, 1872. № 2. С. 206–213.

Крафт, 1900 – *Крафт И.И.* Из киргизской старины. Оренбург: Типо-лит. Ф.Б. Сачкова, 1900. 157 с.

Крашенинников, 1925 – *Крашенинников И.М.* Растительный покров Киргизской Республики. Оренбург, 1925. 106 с.

Крупник, 1989 – *Крупник И.И.* Арктическая этноэкология. Москва: Наука, 1989. 272 с.

Крюкова, 2006 – *Крюкова В.* Наказание за убийство выдры // Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа / Сборник статей. Отв. ред В.А. Прищепова. Санкт-Петербург: Наука, 2006. Т. 52. С. 148–159.

Курылев, 1989 – *Курылев В.П.* Казахские кожаные мужские пояса в собраниях МАЭ // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Сборник Музея антропологии и этнографии. Ленинград: Наука, 1989. XLIII. С. 86–97.

Қазақ әдеби..., 2011а – Қазақ әдеби тілінің сөздігі. Он бес томдық. 5-т. / Құраст. Б. Әбілқасым, С. Байзақов, Ә. Жүнісбеков т. б. Алматы: Дәуір, 2011. 752 б.

Қазақ әдеби..., 2011б – Қазақ әдеби тілінің сөздігі. Он бес томдық. 5-т. / Құраст. Б. Әбілқасым, С. Байзақов, Ә. Жүнісбеков т. б. Алматы: Дәуір, 2011. 743 б.

Қазақтар, 2013 – Қазақтар. Тарих және мәдениет. Алматы: Абди Компани, 2013. 656 с.

Қазақтың дәстүрлі..., 2009 – *Қазақтың дәстүрлі* киім-кешегі. Ғылыми каталог. Алматы: Өнер, 2009. 344 б.

Қақабаев, 2017, 4-т – *Қақабаев Б. Құндыз* // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбаев. 4-т. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 289–290-бб.

Қақабаев, 2017, 4-т. – *Қақабаев Б. Мата* // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбаев. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 4-т. 326–327-бб.

Қатран, 2017 – *Қатран Д. Жасау* // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбаев. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 4-т. 362–363-бб.

Левшин, 1832 – *Левшин А.* Описание киргиз-казацких или киргиз кайсацких орд и степей. Часть 3. Этнографические известия. Санкт-Петербург: Тип. Карла Крайя, 1832. 304 с.

Лобачева, 2006 – *Лобачева Н.П.* Отражение этногенетической истории в материальной и духовной культуре народов в Среднеазиатско-Казахстанского региона (пр материалам середины XX века) // Среднеазиатский этнографический сборник. Москва: Наука, 2006. Вып. V. С. 47–93.

Лобачева, 1989 – *Лобачева Н.П.* О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. Москва: Наука, 1989. С. 5–38.

Люшкевич, 1989 – *Люшкевич Ф.Д.* Одежда этнической группы населения Бухарского оазиса и прилегающих к нему районов. Первая половина XX в. (Опыт сравнительной характеристики) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. Москва: Наука, 1989. С. 107–139.

Масанов, 2011 – *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевников. Изд. 2-е, доп. / Сост. Л.Е. Масанова, И.В. Ерофеева. Алматы: Print-S, 2011. 740 с.

Материалы для географии..., 1868 – *Материалы для географии* и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Область сибирских киргизов. Ч. III. Составил подполковник генштаба Красовский. Санкт-Петербург. Тип. Траншеля, Ретгера и Шпейдера, 1868. 270 с.

Мацкевич, 1929 – *Мацкевич Н.Н.* Сравнительная длина кочевков казахского населения бывшей Семипалатинской губернии (с картой) // Записки Семипалатинского отдела Общества изучения Казакстана. 1929. Т. 1. Вып. XVIII. С. 1–33.

Назаров, 1890 – *Назаров Н.С.* К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 164–192.

Небольсин, 1852 – *Небольсин П.И.* Очерки Волжского низовья Павла Небольсина. Санкт-Петербурга, 1852. 199 с.

Нұрғожа, 2019 – *Нұрғожа Қ.* Шапан // Қазақстан тарихы. Энциклопедия / Жалпы ред. басқарған З.Е. Кабылдинов. Алматы: Литера-М. ЖШС, 2019. 3-т. 681–682-бб.

Павлов, 1935 – *Павлов В.Н.* Красильные растения Каратау // Труды Среднеазиатского Государственного университета. Серия VIII-b, Ботаника. Вып. 19. Ташкент: Изд-во Среднеаз гос унта, 1935. 43 с.

Павлов, 1947 – *Павлов Н.В.* Растительное сырье Казахстана. Москва–Ленинград: Изд. Акад. Наук, 1947. 552 с.

Паллас, 1778 – *Паллас П.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Санкт-Петербург, 1778. Т. III. 657 с.

Полторацкая, 1879 – *Полторацкая Л.К.* Альбом типов и видов Западной Сибири, снятых Л.К. Полторацкой. Санкт-Петербург. 1879. С. 30–44.

Попова, Стасевич 2011 – *Попова Л.Ф., Стасевич И.В.* Казахский костюм в собраниях Российского этнографического музея и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук // Туркі дүниесі. Ғылыми көпшілік альманах. Астана: Фолиант, 2011. С. 604–627.

Попова, 2021 – *Попова Л.Ф.* Одежда и украшения // Казахи. Москва: Наука, 2021. С. 411–442.

Потанин, 1861 – *Потанин Г.Н.* Заметки о Сибирском казачьем войске // Военный сборник. 1861. № 5. С. 3–32.

Потапов, 1949 – *Потапов Л.П.* Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XII. Москва – Ленинград, 1949. С. 43–70.

Прищепова 2011 – *Прищепова В. К* 150-летию со дня рождения С.М. Дудина — художника, этнографа (по материалам МАЭ РАН) // Антропологический Форум. Санкт-Петербург. 2011. № 15. С. 608–649.

Прищепова, 2012 – *Прищепова В.* Этнографический альбом художника А. Померанцева // Антропологический форум. Санкт-Петербург, 2012. № 17. С. 251–266.

Радлов, 1899 – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. II. Ч. 1. Санкт-Петербург: Типогр. Имп. Акад. наук, 1899. 1052 с.

Рассудова, 1989 – *Рассудова Р.Я.* Сравнительная характеристика мужской одежды населения Фергано-Ташкентского региона (XIX–XX вв.) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. Москва: Наука, 1989. С. 139–156.

Раушенбах, Журавлева, 1938 – *Раушенбах Ю.О., Журавлева К.В.* Табунное коневодство в Казахстане. Алма-Ата: Казгосиздат, 1938. 154 с.

Рубцов, 1934 – *Рубцов Н.И.* Дикорастущие лекарственные и пищевые растения Западного Казакстана. Алма-Ата – Москва: Казакстанское краевое издание, 1934. 32 с.

Руденко, 1927 – *Руденко С.И.* Очерк быта казаков бассейна рек Уила и Сагыза // Казаки. Антропологические очерки С.Ф. Баронова, А.Н. Букейхана и С.И. Руденко. Ленинград, 1927. С. 7–32.

Руденко, 1930 – *Руденко С.И.* Очерк быта северо-восточных казаков. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Серия Казахская. Вып. 15. Ленинград, 1930. С. 47–48.

Руденко, 1961 – *Руденко С.И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках (доложено на заседании отделения 8 октября 1958 г. // Географическое общество СССР. Отделение этнографии. Ч. I. Доклады за 1958–1961 гг. Ленинград: Ротапринт Географ. общ-ва СССР, 1961. С. 2–15.

Руденко, 1962 – *Руденко С.И.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы. Москва-Ленинград, 1962. 206 с.

Руденко, 2006 – *Руденко С.И.* Башкиры. Историко-этнографический очерк. Уфа: Китап, 2006. 376 с.

Русяйкина, 1957 – *Русяйкина С.П.* Учет музейных материалов для историко-этнографического атласа Средней Азии // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1957. Т. 26. С. 54–57.

Рычков, 1762а – *Рычков П.И.* Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. Санкт-Петербург: Имп. Акад. наук, 1762. Ч. 1. 262 с.

Рычков, 1762б – *Рычков П.И.* Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. Санкт-Петербург: Имп. Акад. наук, 1762. Ч. 2. 331 с.

Рябинин, 1905а – *Рябинин А.Н.* По прикаспийским степям и Устюрту – от реки Урала до устья Амударьи (Путевые наблюдения 1899 г.) горного инженера А.Н. Рябинина // Горный журнал. 1905. № 1. С. 104–127.

Рябинин, 1905б – *Рябинин А.Н.* По прикаспийским степям и Устюрту – от реки Урала до устья Амударьи (Путевые наблюдения 1899 г.) горного инженера А.Н. Рябинина // Горный журнал. 1905. № 2. С. 242–272.

Сабитов, 1946 – *Сабитов Н.* Об итогах работы этнографической экспедиции 1946 г. сектора этнографии // Институт истории АН КазССР. Серия истории. Вып. 4. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948. С. 116–118.

Сабитов, 1950 – *Сабитов Н.* Об этнографической экспедиции 1949-1950 гг. по изучению культуры и быта казахского колхозного аула // Известия АН КазССР. Серия историческая. Вып. 5. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1950. С. 71–76.

Сабитов, 1952 – *Сабитов Н.* Работа по изучению культуры и быта казахского аула (обзор материалов этнографических экспедиций за 1946–1951 годы) // Вестник АН КазССР. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1952. № 3. С. 89–94.

Сабитов, 1953 – *Сабитов Н.* Этнографическая экспедиция в Меркенский район Джамбулской области // Советская этнография. 1953. № 3. С. 196–200.

Седельников, Букейханов, Чадов, 1903 – *Седельников А.Н., Букейханов А.Н., Чадов С.Д.* Исторические судьбы Киргизского края и его культурные успехи // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. XVIII. Киргизский край / Под. ред. В.П. Семенова. Санкт-Петербург: Изд. Девриена, 1903. С. 138–174.

- Словцов, 1897 – *Словцов И.* Путевые записки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд Акмолинской области в 1878 г. // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Омск: Тип. Окружного штаба, 1897. Кн. XXI. С. 1–78.
- Смирнов, 1892 – *Смирнов А.П.* Быт и нравы киргизов. Санкт-Петербург, 1892. 27 с.
- Солнцев, 1836 – *Солнцев Ф.* Одежды государства российского. Альбом акварелей. 1836 г.
- Соснина, 2006 – *Соснина Н., Шангина И.* Русский традиционный костюм: Иллюстрированная энциклопедия. Санкт-Петербург: Искусство, 2006. 400 с.
- Спасский, 1820, Ч. 9. – *Спасский Г.* Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды // Сибирский вестник. Санкт-Петербург: Морск. тип., 1820. Ч. 9. 152 с.
- Спасский, 1820, Ч. 10 – *Спасский Г.* Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды // Сибирский вестник. Санкт-Петербург: Морск. тип., 1820. Ч. 10. С. 141–188.
- Стасевич, 2023 – *Стасевич И.* Казахские «сәукеле» в собрании Петербургской Кунсткамеры (история бытования, семантика и роль в обрядовой культуре // *Muzeum. KZ.* 2023. № 3 (3). С. 106–119.
- Султанов, 2005 – *Султанов Т.И.* Известия османского историка XVI в. Сейфи Челеби // Тюркологический сборник. 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. Москва: Восточная литература, 2005. С. 254–272.
- Сухарева, 1970 – *Сухарева О.А.* Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в. // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Ленинград: Наука, 1970. С. 101–112.
- Сухарева, 1979 – *Сухарева О.А.* Опыт анализа покроев традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. Москва: Наука, 1979. С. 77–103.
- Сычев, 1977 – *Сычев В.Л.* Из истории плечевой одежды народов Центральной и Восточной Азии (к проблемам классификации) // Советская этнография. 1977. № 3. С. 32–46.
- Толыбеков, 1957 – *Толыбеков С.Е.* Вопросы экономики и организации кочевого скотоводческого хозяйства казахов в конце XIX и начале XX веков // Труды института экономики. Алма-Ата: Наука, 1957. Т. II. С. 3–91.
- Толыбеков, 1971 – *Толыбеков С.Е.* Кочевое общество казахов в XVII– начало XX века. Политико-экономический анализ. Алма-Ата: Наука, 1971. 636 с.
- Традиционная одежда казахов, 2009 – Традиционная одежда казахов. Научный каталог / Научн. ред. и автор предисл. проф. Н. Алимбай. Алматы: Өнер, 2009. 344 с.
- Тэрнер, 1983 – *Тэрнер Виктор.* Символ и ритуал. Москва: Наука, 1983. 277 с.
- Уәли, 2017а – *Уәли Н.* Бес жақсы // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Ғылыми редактор және жоба жетекшісі Н. Әлімбаев. Энциклопедия. 1-т. Алматы: «Алем Даму. Интеграция» ЖШС, 2017. 642–643-бб.
- Уәли, 2017б – *Уәли Н.* Кіндік шеше // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбаев. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 3-т. 451 б.
- Уәли, 2017в – *Уәли Н.* Ілу // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбаев. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 5-т. 739–740-бб.
- Фальк, 1824 – *Фальк И.П.* Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук, по предложению её президента, с прим., изъясн. и дополн. Т.6. Записки путешествия академика Фалька / Пер. с нем. П. Петрова. Санкт-Петербург: При Имп. Акад. наук, 1824. 559 с.
- Федорович, 1950 – *Федорович Б.А.* Лик пустыни. Москва: Гос. изд. культпросвет. лит., 1950. 248 с.
- Чеснов, 1998 – Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии: учебное пособие. Москва: Гардарика, 1998. 400 с.
- Чудинов, 1910 – *Чудинов А.Н.* Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи. Составлен под редакцией А.Н.Чудинова. Издание третье, тщательно исправленное и значительно дополненное (более 5000 новых слов) преимущественно социально-политическими терминами, вошедшими в жизнь в последние годы. Санкт-Петербург: Изд. В.И. Губинского. 1910. 676 с.

Швецов, 1926 – Швецов С.П. Природа и быт Казакстана // Казакское хозяйство в его естественно-исторических условиях. Материалы по выработке норм земельного устройства в Казакской Автономной Советской Социалистической Республике / Под ред. С.И. Швецова. Народный Комиссариат Земледелия Казакской Автономной Советской Социалистической Республики. 1926. Ленинград: Тип. Академии художеств. 1926. С. 93–105.

Шевцова, 2006 – *Шевцова А.А.* Казахский традиционный свадебный костюм // Среднеазиатский этнографический сборник. Москва: Наука, 2006. С. 34–46.

Шойбеков, 2017 – *Шойбеков Р.* Зере // Казактың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғыл. ред. және жоба жетекшісі Н. Әлімбаев. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 3-т. 49–50–66.

Фон Герн, 1898 – *Фон Герн. Вл.* Киргизское удалство: угон скота / Из записной книжки // Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 г. Семипалатинск. 1898. С. 55–64.

Фон Шварц, 2006 – *Фон Шварц Ф.* Туркестан – ветка индогерманских народов // История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. В X томах. т. V. / Немецкие исследователи в Казахстане. Ч. 1. Алматы: Санат, 2006. С. 175–239.

Юдин, 1992 – *Юдин В.П.* Орды: белая, синяя, серая, золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсим., пер., транскр., текстол. примеч., исследование В.П. Юдина. Комментарии и указатели М.Х. Абусейтовой. Алма-Ата: Ғылым, 1992. С. 14–56.

Ярыгин, Сарсамбекова, Шаймердинова, 1951 – *Ярыгин С.А., Сарсамбекова А.С., Шаймердинова Н.Г.* Традиционный костюм в системе знаковой репрезентации власти кочевников евразии первой половины I тысячелетия // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 51. С. 131–142.

References

Abramzon, 1953 – *Abramzon S.M.* Etnograficheskiy albom khudozhnika P.M. Kosharova (1857 g.) [Ethnographic Album of the Artist R. M. Kosharov (1857)]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*. Moskva, Leningrad, 1953. T. XIV. Pp. 147–167. [in Russian]

Aziatskaya Rossiya, 1914 – *Aziatskaya Rossiya*. T. 1. Lyudi i poriadki za Uralom [Asian Russia. Vol. 1. People and Order Beyond the Urals]. Sankt-Peterburg, 1914. 663 p. [in Russian]

Akishev, 1984 – *Akishev A.K.* Iskustvo i mifologiya sakov [Art and mythology of the Saks]. Alma-Ata: Nauka, 1984. 176 p. [in Russian]

Alimbay, Mukanov, Argynbaev, 1998 – *Alimbay N., Mukanov M.S., Argynbaev Kh.* Traditsionnaya kultura zhizneobespecheniya kazakhov. Ocherki teorii i istorii [Traditional Kazakh Livelihood Culture: Essays on Theory and History]. Almaty: Gylym, 1998. 234 p. [in Russian]

Alimbay, 2020 – *Alimbay N.* Semipokolennaya ekzogamnaya struktura «Zhetiata» kak obshchina-sotsium (k probleme sovpadeniya roda i obshchiny u kazakhov-kochevnikov) [Semi-generational exogamous structure of "Zhetiata" as a community-society (to the problem of coincidence of clan and community among nomadic Kazakhs)]. *Turkic Studies Journal*. 2020. Vol. 2. Number. 4. Pp. 7–26. [in Russian]

Alimbay, 2024 – *Alimbay N.* Rusifikatsiya traditsionnogo toponimicheskogo landshafta kak napravlenie i zavershayushchiy akt krestyanskoj kolonizatsii Kazakhskogo kraja (vtoraya polovina KhIKh – 1917 g.) [Russification of the traditional toponymic landscape as a direction and final act of peasant colonization of the Kazakh region (second half of the 19th century – 1917)]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: «Aktualnye problemy etnologii, antropologii i muzeologii na Evraziyskom prostranstve: traditsii i innovatsii»*. 30 mart 2024 g. Almaty: Kazak universiteti, 2024. Pp. 269–272. [in Russian]

Apollova, 1960 – *Apollova N.G.* Ekonomicheskie i politicheskie svyazi Kazakhstana s Rossiey v XVIII – nachale XIX v. [Economic and political relations of Kazakhstan with Russia in the 18th – early 19th centuries]. Moskva: Izd. AN SSSR, 1960. 456 p. [in Russian]

Argynbaev, Zakharova, 1961 – *Argynbaev Kh., Zakharova I.V.* 1958 zh. Ontustik Qazaqstan oblysyna uyymdastyrylgan etnografiyalıq ekspeditsiya zhumysynyn qorytyndysy [Results of the ethnographic expedition organized in the South Kazakhstan region]. *Novye materialy po arkheologii i etnografii Kazakhstana*. Alma-Ata: Izd. AN KazSSR, 1961. Pp. 92–118. [in Kazakh]

Argynbaev, 1962 – *Argynbaev Kh.* Kratkiy ocherk materialnoy kultury pereselentsev iz Rossii v Kazakhstan [A Brief Overview of the Material Culture of Russian Immigrants to Kazakhstan]. *Voprosy etnografii i antropologii Kazakhstana*. Alma-Ata: Izd. AN KazSSR, 1962. Pp. 138–167. [in Russian]

- Argynbaev, 1969 – *Argynbaev Kh.* Qazaqtyn mal sharuashylygy zhayynda etnografiyalıq ocherk [Ethnographic essay on Kazakh livestock farming]. Almaty: Gylym, 1969. 172 p. [in Kazakh]
- Akhmetzhan, 2007 – *Akhmetzhan K.S.* Etnografiya traditsionnogo vooruzheniya kazakhov [Ethnography of traditional Kazakh weaponry]. Almaty: Almatykitap, 2007. 216 p. [in Kazakh]
- Akhmetzhan, 2017. 3-t. – *Akhmetzhan Q.* Kebenek [Kebenek]. *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya.* Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 3-t. Pp. 140–141. [in Kazakh]
- Alimbay, 2009 – *Alimbay N.* Dasturli kiim-keshek – etnostyn tirshilikqamy zhuyesinin negizgi komponentteriniń biri [Traditional clothing is one of the main components of the ethnic group's livelihood system]. *Qazaqtyn dasturli kiim-keshegi.* Gylymi katalog. Almaty: Oner, 2009. Pp. 7–15. [in Kazakh]
- Alimbay, 2009 – *Alimbay N.* Bas kiimder [Headdress]. *Qazaqtyn dasturli kiim-keshegi.* Gylymi katalog. 2009. Pp. 18–23. [in Kazakh]
- Alimbay, 2015 – *Alimbay N.* Dasturli qazaq qogamyndagy khan biligi institutyna qatysty negizgi ugymdar zhoninde [On the basic concepts related to the institution of khanate power in traditional Kazakh society]. *Qazaq bolyp qalyptasqan gasyrlar.* Taraz: DanAi, 2015. Pp. 207–230. [in Kazakh]
- Alimbay, 2016 – *Alimbay N.* Qazaq kisesi: zerttelui, qurylymy, tipologiyasy, funktsiyasy (Shoqan Ualikhanov enbeginin qisyny turgysynan) [Kazakh folktale: study, structure, typology, function (based on the work of Shokan Ualikhanov)]. *Qazaq tarikhy.* 2016. Pp. 50–64. [in Kazakh]
- Alimbay, Smagulov, Qatran, 2017. 1-t. – Alimbay N., Smagulov E., Qatran D. As beru / As [Food] *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya.* Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 1-t. Pp. 276–285. [in Kazakh]
- Alimbay, Qatran, 2017 – *Alimbay N., Qatran D.* Baskiim [Headdress]. *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya.* Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 1-t. Pp. 558–563. [in Kazakh]
- Alimbay, Qaqabaev, 2017. 1-t. – *Alimbay N., Qaqabaev B.* Beldemshe [Skirt]. *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya.* Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 1-t. Pp. 632–633. [in Kazakh]
- Alimbay, Qaqabaev, 2017, 1-t – *Alimbay N., Qaqabaev B.* Beldik [Belt]. *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya.* Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 1-t. Pp. 635–638. [in Kazakh]
- Alimbay, 2017, 2-t. – *Alimbay N.* Zhabagy kupi [Zhabagy kupi]. *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya.* Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 2-t. Pp. 243. [in Kazakh]
- Alimbay, Qaqabaev, 2017, 2-t. – *Alimbay N., Qaqabaev B.* Zheyde / Koylek [Shirt]. *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya.* Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 2-t. Pp. 398–399. [in Kazakh]
- Alimbay, Qaqabaev, 2017, 2-t. – *Alimbay N., Qaqabaev B.* Kimeshek [Kimeshek]. *Qazaqstan tarikhy. Entsiklopediya.* 2019. 2-t. Pp. 245–249. [in Kazakh]
- Alimbay, Qaqabaev, Smagulov, 2024 – *Alimbay N., Qaqabaev B., Smagulov B.* Qazaqtyn ezhelgi astagam zhuyesinin tarikhi etnografiyasy (XVIII – sovettik kezennin algashqy onzhyldygy) [Historical ethnography of the ancient Kazakh food system (XVIII – the first decade of the Soviet period)]. *Otan tarikhy.* 2024. № 27 (4). Pp. 829–870. [in Kazakh]
- Alimbay N., Toyshanuly, 2017. 3-t. – Alimbay N., Toyshanuly A. Itkoylek/ Itzheyde [Itzheyde] *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya.* Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 3-t. Pp. 102–103. [in Kazakh]
- Alimbay, 2017, 3-t – Alimbay N. Kiim-keshek [Clouthers] *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya.* Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 3-t. Pp. 266–275. [in Kazakh]
- Alimbay, 2017. 3-t. – Alimbay N. Kiim-keshek [Clothers] *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya.* Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 3-t. Pp. 424–425. [in Kazakh]
- Alimbay, Kenzhakhmetuly, 2017. 3-t. – *Alimbay N., Kenzhakhmetuly S.* Kiit [Kiit] *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya.* Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 3-t. Pp. 275–276. [in Kazakh]

Alimbay, 2017, 4-t. – Alimbay N. Qutpan mal [Qutpan mal]. *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya*. Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 4-t. Pp. 124–125. [in Kazakh]

Alimbay, 2017, 3-t. – Alimbay N. Kupi [Kupi]. *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya*. Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 3-t. Pp. 424–425. [in Kazakh]

Alimbay, 2017, 3-t. – Alimbay N. Qaba shapan [Qaba shapan]. *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya*. Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 3-t. P. 474. [in Kazakh]

Alimbay, Qatran, 2017, 5-t – Alimbay N., Qatran D. Taqiya [Taqiya]. *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya*. Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 5-t. Pp. 289–290. [in Kazakh]

Alimbay, 2017, 5-t. – Alimbay N. Sary zhauyq [Sary zhauyq]. *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya*. Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 5-t. Pp. 119. [in Kazakh]

Alimbay, 2017, 5-t. – Alimbay N. Sulyq [Sulyq]. *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya*. Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 5-t. Pp. 200. [in Kazakh]

Alimbay, 2017, 5-t. – Alimbay N. Togyz beru [Togyz beru]. *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya*. Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 3-t. Pp. 386–387. [in Kazakh]

Alimbay, 2017, 5-t. – Alimbay N. Tyym [Tyym]. *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya*. Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 3-t. 517 p. [in Kazakh]

Alimbay, 2017, 5-t. – Alimbay N., T. Bolsynbek. Tymaq [Winter hat]. *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya*. Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 5-t. Pp. 517–519. [in Kazakh]

Alimbay, 2019, № 2 (169). – Alimbay N. Qazaqy eltiri: koshpeli ortadagy ugymdyq man-magynasy, dayyndalu tekhnologiyasy, kadege zharatyluy [Kazakh folk costume: conceptual meaning, preparation technology, and utilization in a nomadic environment]. *Qazaq tarikhy*. 2019, № 2 (169). Pp. 31–34. [in Kazakh]

Alimbay, Qatran, 2017 – Alimbay N., Qatran D. Shylauysh [Shylauysh]. *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya*. Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 5-t. Pp. 708–710. [in Kazakh]

Alimbay, Shoybekov, 2019a – Alimbay N., Shoybekov R. Muraq [Muraq]. *Qazaqstan tarikhy. Entsiklopediya*. Zhalpy red. basqargan Z.E. Qabyldinov. Almaty: Litera-M. ZhShS, 2019. 2-t. P. 28. [in Kazakh]

Alimbay, Shoybekov, 2019b – Alimbay N. R. Shoybekov. Ton [Fur coat]. *Qazaqstan tarikhy. Entsiklopediya*. Zhalpy red. basqargan Z.E. Qabyldinov. Almaty: Litera-M. ZhShS, 2019. 3-t. P. 499–500. [in Kazakh]

Alimbay, Shoybekov, 2017 – Alimbay N., Shoybekov R. Shashqap [Shashqap]. *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya*. Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 5-t. P. 654. [in Kazakh]

Bardanes, 2007 – Bardanes Kh. Kirgizskaya ili kazatskaya khoreografiya [Kirghiz or Kazakh choreography]. *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov*. T. IV. Almaty: Dayk-Press, 2007. Pp. 93–194. [in Russian]

Barmintsev, 1958 – Barmintsev Yu.N. Evolyutsiya konskikh porod v Kazakhstane: Opyt zootekh. issledovaniya problemy porodobrazovaniya [Evolution of horse breeds in Kazakhstan: Experience of zootechnical research into the problem of breed formation]. Alma-Ata: Kazgosizdat, 1958. 284 p. [in Russian]

Batnikov, 1958 – Batnikov V.S. Khozyaystvennye svyazi kochevykh narodov s Rossiey, Sredney Aziey i Kitaem (s XV do poloviny XVIII veka) [Economic ties of nomadic peoples with Russia, Central Asia and China (from the 15th to the middle of the 18th century)]. Tashkent: Izd. SAGU, 1958. 104 p. [in Russian]

Bezhkovich, 1953 – *Bezhkovich A.S.* Etnograficheskie risunki VI. Plotnikova po bytu kazakhov v 1859–1863 gg. [Ethnographic drawings by VI. Plotnikov on the life of the Kazakhs in 1859–1863]. *Sovetskaya etnografiya*. 1953. № 4. Pp. 113–119. [in Russian]

Beldik / Belbeu, 2017. 1-t. – *Beldik / Belbeu* [Beldik / Belbeu]. *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya*. Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 1-t. Pp. 635–638. [in Kazakh]

Brodovskiy, 1875 – *Brodovskiy M.I.* Tekhnicheskie proizvodstva v Turkestantskom krae [Technical production in the Turkestan region]. Sankt-Peterburg, 1875. 99 p. [in Russian]

Bronevskiy, 1830, № 117 – *Bronevskiy S.B.* Zapiski o kirgizakh-kaysakakh Sredney ordy [Notes on the Kirghiz-Kaisaks of the Middle Horde]. *Otechestvennyye zapiski*. 1830. № 117. Pp. 400–420. [in Russian]

Bronevskiy, 1830, № 120 – *Bronevskiy S.B.* Zapiski o kirgizakh-kaysakakh Sredney ordy [Notes on the Kirghiz-Kaisaks of the Middle Horde]. *Otechestvennyye zapiski*. 1830. № 120. Pp. 75–364. [in Russian]

Bronevskiy, 1830, № 123 – *Bronevskiy S.B.* Zapiski o kirgizakh-kaysakakh Sredney ordy [Notes on the Kirghiz-Kaisaks of the Middle Horde]. *Otechestvennyye zapiski*. 1830. № 123. Pp. 70–285. [in Russian]

Brem, 1891 – *Brem A.E.* Zhizn na severe i yuge: ot Severnogo polyusa do ekvatora [Life in the South and South: From the North Pole to the Equator]. Perevod s nem. D.A. Koropchevskogo. Sankt-Peterburg: Izd. F. Pavlenkova, 1891. 446 p. [in Russian]

Bolsynbek, 2017. 1-t. – *Bolsynbek T.* Bortpe shali [Bortpe shali]. *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya*. Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 1-t. Pp. 710. [in Kazakh]

Budagov, 1871 – *Budagov L.* Sravnitelnyy slovar turetsko-tatarskikh narechiy, so vkluyecheniem upotrebitelneyshikh slov arabskikh i persidskikh i s perevodom na russkiy yazyk: v 2-kh t. [A comparative dictionary of Turkish-Tatar dialects, including the most common Arabic and Persian words, is a translation into Russian: in 2 volumes]. T. II. Sankt-Peterburg: Tip. AN, 1869. 415 p. [in Russian]

Bukeykhanov, 2018a – *Bukeykhanov A.* Ovtsevodstvo v Stepnom krae [Sheep breeding in Stepnoy Krai]. *Alikhan Bokeykhan. Sochineniya*. T. III. Astana: «Alashorda» qogamdyq qory. 2018. Pp. 63–120. [in Russian]

Bukeykhanov, 2018b – *Bukeykhanov A.* Skotovodstvo [Cattle breeding]. *Alikhan Bokeykhan. Sochineniya*. T. III. Astana: «Alashorda» qogamdyq qory. 2018. Pp. 227–249. [in Russian].

Vaynshteyn, 1991 – *Vaynshteyn S.I.* Mir kochevnikov tsentra Azii [Mir kochevnikov tsentra Azii]. Moskva: Nauka, 1991. 291 p. [in Russian]

Valikhanov, 1984 – *Valikhanov Ch.* Zamechaniya na tretyu chast opisaniya kirgiz-kazachikh ord (A.I. Levshina) [Note on the third part of the description of the Kyrgyz-Kazakhs hordes (AI Levshina)]. *Sobranie sochinenii*. T. 1. Almaty. 1984. 432 p. [in Russian]

Valikhanov, 1904 – *Valikhanov Ch.* Vooruzhenie kirgiz v drevnie vremena i ikh voennye dospekhi) [Weapons of the Kirghiz in ancient times and their military armor]. *Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva*. T. XIX. Pod red. N.I. Veselovskogo. Sankt-Peterburg, 1904. 37–40 p. [in Russian]

Voennaya entsiklopediya, 1911 – *Voennaya entsiklopediya* [Military Encyclopedia]. Pod red. V.F. Novitskogo. Sankt-Peterburg: Tip. I. D. Sytina, 1911. T. 4. 646 p. [in Russian]

Vostrov, 1955 – *Vostrov V.V.* Itogi etnograficheskoy ekspeditsii Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR za 1955 god [Results of the ethnographic expedition of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR for 1955]. *Izvestiya AN Kazssr, seriya istoriya, filosofiya, ekonomika i prava*. Alma-Ata, 1955. Vyp. 2 (5). Pp. 94–105. [in Russian]

Vulfson, 1913 – *Vulfson E.S.* Kirgizy [Kazakhs]. Moskva: Torg. d. S. Kurnin i K, 1913. 80 p. [in Russian]

Georgi, 1799 – *Georgi I.G.* Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov. Ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispovedanii i drugikh dostopamyatnostey [Description of all the peoples inhabiting the Russian state. Their everyday customs, traditions, clothing, housing, exercises, amusements, religion, and other attractions]. V chetyrekh chastyakh. Sankt-Peterburg: Imperator. akad. nauk, 1799. Ch. 2. O narodakh tatarskogo plemeni i drugikh ne reshennogo eshche proiskhozhdeniya severnykh sibirskikh. 178 p. [in Russian]

Gladyshev, 1851– Gladyshev i Muravin. Poezdka iz Orska v Khivu i obratno v 1740–1741 gg. sovershennaya poruchikom Gladyshevym i geodezistom Muravinyim [Gladyshev and Muravin. Journey from Orsk to Khiva and back in 1740–1741, undertaken by Lieutenant Gladyshev and surveyor Muravin]. Sankt-Peterburg, 1851. 93 p. [in Russian]

Denment belbeu, 2017, 2-t. – Denment belbeu [Denment belbeu]. *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturlı zhuyesi. Entsiklopediya*. Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 2-t. Pp. 59–60. [in Kazakh]

Dobrzhanskiy, Lus, Medvedev, 1927 – *Dobrzhanskiy F.G., Lus Ya.Ya., Medvedev N.N.* Domashnie zhivotnye yugo-vostochnoy chasti Kazakstana (Semirechya) [Domestic animals of the south-eastern part of Kazakhstan (Semirechya)]. Leningrad: Izd AN SSSR, 1927. 328 p. [in Russian]

Dobrosmyslov, 1895 – *Dobrosmyslov A.I.* Skotovodstvo v Turgayskoy oblasti [Livestock breeding in the Turgay region]. Orenburg: Tip. I.N. Zharinova, 1895. 360 p. [in Russian]

Drevnetyurkskiy slovar, 1969 – *Drevnetyurkskiy slovar* [Old Turkic dictionary]. Redaktory V.M. Nadelyaev, D.M. Nasilov, E.R. Tenishev, A.M. Shcherbak. Leningrad: Nauka, 1969. 677 p. [in Russian]

Erofeeva, Usmanova, 2014 – *Erofeeva I.V., Usmanova E.R.* Vneshnie znaki otlichiya pravyashchey kazakhskoy elity XVII – pervoy chetverti XIX veka [External signs of distinction of the ruling Kazakh elite of the 17th – first quarter of the 19th century] *Epistolyarnoe nasledie kazakhskoy pravyashchey elity 1675 – 1821 gg. Sbornik istoricheskikh dokumentov v 2-kh tomakh*. T. 1: Pisma kazakhskikh praviteley. 1675 – 1780 gg. Otv. red. I. V. Erofeeva. Almaty: AO «ABDI Kompani, 2014. Pp. 643–668. [in Russian]

Zhargaq / Zhargaq ton, 2017 – *Zhargaq / Zhargaq ton* [Fur coat]. *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturlı zhuyesi. Entsiklopediya*. Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 2-t. P. 351. [in Kazakh]

Zhanibekov, 1996 – *Zhanibekov O.* Qazaq kiimi [Kazakh clothes]. Almaty: Oner, 1996. 192 p. [in Kazakh]

Zhirenchin, 1948 – *Zhirenchin A.* Rabota nauchnoy ekspeditsii Tsentralnogo muzeya Kazakhstana v 1947 g. [Work of the scientific expedition of the Central Museum of Kazakhstan in 1947]. *Vestnik AN KazSSR*. 1948. № 2. Pp. 79–80. [in Russian]

Zapiski saratovskogo, 1852 – *Zapiski saratovskogo kuptsa Ya.P. Zharkova o kirgizakh 1852 g.* [Notes of the Saratov merchant Ya.P. Zharkov about the Kirghiz, 1852]. *Putevye dnevniki i zapiski rossiyskikh chinovnikov i issledovateley o Kazakhskoy stepi XVIII – serediny XIX veka*. Astana 2012 Pp. 432–497. [in Russian]

Zametki po proizvoditelnosti..., 1872 – *Zametki po proizvoditelnosti Turkestanskogo kraya po otnosheniyu k voyskam v nem raspolzhenykh* [Notes on the productivity of the Turkestan region in relation to the troops stationed there]. *Russkiy Turkestan. Sbornik izdannyy po povodu politekhnicheskoy vystavki*. Vyp. 3. Pod. red. V.N. Trotskogo. Sankt-Peterburg: Tip. tov. «Obshchestvennaya polza». 1872. 246 p. [in Russian]

Zakharova, 1956 – *Zakharova I.V.* Materialnaya kultura kazakhov-kolkhoznikov Yugo-Vostochnogo Kazakhstana (po materialam Alma-Atinskoy i Dzhambul'skoy oblastey) [Material culture of Kazakh collective farmers of South-Eastern Kazakhstan (based on materials from the Alma-Ata and Dzhambyl regions)]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR*. T.3. Alma-Ata: Izd. AN KazSSR, 1956. Pp. 105–189. [in Russian]

Zakharova, 1959 – *Zakharova I.V.* Ob itogakh etnograficheskikh ekspeditsii 1955–1956 gg. [On the results of the ethnographic expeditions of 1955–1956]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR*. T.6. Alma-Ata: Izd. AN KazSSR, 1959. Pp. 3–18. [in Russian]

Zakharova, Khodzhaeva, 1962 – *Zakharova I.V., Khodzhaeva R.D.* Odezhda kazakhov Semirechya (po materialam ekspeditsii 1960 – 1961 godov v Taldy-Kurganskiy rayon Alma-Atinskoy oblasti) [Clothing of the Kazakhs of Semirechye (based on the materials of the 1960-1961 expedition to the Taldy-Kurgan district of the Alma-Ata region)]. *Vopros etnografii i antropologii Kazakhstana*. Alma-Ata: Izd. AN KazSSR, 1962. Pp. 35–53. [in Russian]

Zakharova, Khodzhaeva, 1964 – *Zakharova I.V., Khodzhaeva R.D.* Kazakhskaya natsionalnaya odezhda (XIX – nachalo XX veka) [Kazakh national clothing (19th – early 20th centuries)]. Alma-Ata: Nauka, 1964. 178 p. [in Russian]

Zakharova, Khodzhaeva, 1989 – *Zakharova I.V., Khodzhaeva R.D.* Golovnye ubory kazakhov (opyt lokalnoy klassifikatsii) [Headdresses of the Kazakhs (experience of local classification)]. *Traditsionnaya odezhda narodov Sredney Azii i Kazakhstana*. Otv. red. N.P. Lobacheva, M.V. Sazonova. Moskva: Nauka, 1989. Pp. 204–227. [in Russian]

- Ilminskiy 1860 – *Ilminskiy S.N.* Materialy po izucheniyu kirgizskogo narechiya (S.N. Ilminskogo) [Materials for the study of the Kyrgyz language (SN Ilminsky)]. *Uchenye zapiski za 1860 god.* Knizhka IV. Kazan, 1860. Pp. 51–165. [in Russian]
- Ishchenko, Kazbekov, Larin, Shchelokov, 1928 – *Ishchenko M.M., Kazbekov I.S., Larin I.V., Shchelokov B.K.* Osobennosti selskogo khozyaystva Adaevskogo uезда. Otchet o rabotakh pochvenno-botanicheskogo otryada Kazakstanskoy ekspeditsii Akademii nauk SSSR [Peculiarities of Agriculture in Adayevsky District. Report on the Work of the Soil-Botanical Squad of the Kazakhstan Expedition of the USSR Academy of Sciences]. Vyp. VI. Leningrad: Izd. AN SSSR, 1928. 217 p. [in Russian]
- Kazakhi, 1995 – *Kazakhi* [Kazakhs]. Almaty: Kazakhstan, 1995. 352 p. [in Russian]
- Kakabaev, 2013 – *Kakabaev B.S.* Zhabagy kupi – osobyy vid verkhney odezhdy kazakhov [Zhabagy kupi as a special type of outerwear of the Kazakhs]. *Vestnik KazNPU imeni Abaya. Seriya «Istoricheskie i sotsialno-politicheskie nauki»*. Almaty, 2013. № 1 (36). Pp. 50–56. [in Russian]
- Katanaev, 1893 – *Katanaev G.E.* Priirtyshskie kazaki i kirgizy Semipalatinskogo uезда v ikh domashney i khozyaystvennoy obstanovke (k voprosu o kulturnom vzaimodeystvii ras) [Irtysh Cossacks and Kirghiz of the Semipalatinsk district in their home and economic environment (to the issue of cultural interaction of races)]. *ZZSOIRGO*. Omsk, 1893. Kn. KhV. Vyp. II. 38 p. [in Russian]
- Kireevskiy, 1874 – *Kireevskiy I.* Flora nashikh Sredneaziatskikh vladenii po alfavitnomu poryadku. Tuzemnye nazvaniya rastenii [Flora of our Central Asian possessions in alphabetical order. Native plant names]. Sankt-Peterburg, 1874. 297 p. [in Russian]
- Koychubaev, 1984 – *Koychubaev E.* Kratkiy tolkovyy slovar toponimov Kazakhstana [A Brief Dictionary of Toponyms of Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka. 1974. 275 s. [in Russian]
- Kolleksiya REM – Kolleksiya Rossiyskogo Etnograficheskogo Muzeya [Collection of the Russian Ethnographic Museum]. [in Russian]
- Kononov, 1978 – *Kononov A.N.* Semantika tsvetooboznachenii v tyurkskikh yazykakh [Semantics of color designation in Turkic languages]. *Tyurkologicheskii sbornik*. Moskva: Nauka, 1975. Pp. 159–179. [in Russian]
- Korbe, 1949 – *Korbe O.A.* Programma etnograficheskogo izucheniya kazakhskogo kolkhoznogo aula [Ethnographic study program of the Kazakh collective farm village]. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR*. 1949. Vyp. 6. Pp. 37–46. [in Russian]
- Korbe, Makhova, 1951 – *Korbe O.A., Makhova E.I.* Ekspeditsiya v Kazakhstan (1950) [Expedition to Kazakhstan (1950)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR*. 1951 Vyp. 16. Pp. 39–53. [in Russian]
- Krauze, 1872 – *Krauze I.* Zаметki o krasilnom iskusstve tuzemtsev [Notes on the dyeing art of the natives]. *Russkiy Turkestan*. Moskva, 1872. № 2. Pp. 206–213. [in Russian]
- Kraft, 1900 – *Kraft I.I.* Iz kirgizskoy stariny [From the Kyrgyz times]. Orenburg: Tipo-lit. F.B. Sachkova, 1900. 157 p. [in Russian]
- Krashennikov, 1925 – *Krashennikov I.M.* Rastitelnyy pokrov Kirgizskoy Respubliki [Vegetation cover of the Kazakh Republic]. Orenburg, 1925. 106 p. [in Russian]
- Krupnik, 1989 – *Krupnik I.I.* Arkticheskaya etnoekologiya [Arctic ethnoecology]. Moskva: Nauka, 1989. 272 p. [in Russian]
- Kryukova, 2006 – *Kryukova V.* Nakazanie za ubiystvo vydry [Punishment for killing an otter]. *Kulturnoe nasledie narodov Tsentralnoy Azii, Kazakhstana i Kavkaza. Sbornik statey*. Otv. red V.A. Prishchepova. Sankt-Peterburg: Nauka, 2006. T. 52. Pp. 148–159. [in Russian]
- Kurylev, 1989 – *Kurylev V.P.* Kazakhskie kozhanye muzhskie poyasa v sobraniyakh MAE [Kazakh men's leather belts in the MAE collections]. *Pamyatniki traditsionno-bytovoy kultury narodov Sredney Azii, Kazakhstana i Kavkaza. Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*. Leningrad: Nauka, 1989. XLIII. Pp. 86–97. [in Russian]
- Qazaq adebi..., 2011a – Qazaq adebi tilinin sozdigi. On bes tomdyq. 5-t. [Dictionary of the Kazakh Literary Language]. Qurast. B. Abilqasym, S. Bayzaqov, A. Zhunisbekov t. b. Almaty: Daur, 2011. 752 p. [in Kazakh]
- Qazaq adebi..., 2011b – Qazaq adebi tilinin sozdigi. On bes tomdyq. 5-t. [Dictionary of the Kazakh Literary Language]. Qurast. B. Abilqasym, S. Bayzaqov, A. Zhunisbekov t. b. Almaty: Daur, 2011. 743 p. [in Kazakh]
- Qazaqtar, 2013 – Qazaqtar. Tarikh zhane madeniet [Kazakhs. History and Culture]. Almaty: Abdi Kompani, 2013. 656 p. [in Kazakh]

Qazaqtyn dasturli..., 2009 – Qazaqtyn dasturli kiim-keshegi. Gylymi katalog. Almaty: Òner, 2009. 344 p. [in Kazakh]

Qaqabaev, 2017, 4-t – *Qaqabaev B.* Qundyz [Qundyz]. *Qazaqtyn etnografiyalyq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya.* Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 4-t. Pp. 289–290. [in Kazakh]

Qaqabaev, 2017, 4-t – *Qaqabaev B.* Mata [Mata *Qazaqtyn etnografiyalyq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya.* Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 4-t. Pp. 326–327. [in Kazakh]

Qatran, 2017 – *Qatran D.* Zhasau [Zhasau]. *Qazaqtyn etnografiyalyq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya.* Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 4-t. Pp. 362–363. [in Kazakh]

Levshin, 1832 – *Levshin A.* Opisanie kirgiz-kazatskikh ili kirgiz kaysatskikh ord i stepey. Chast 3. Etnograficheskie izvestiya [Description of the Kirghiz-Kazak or Kirghiz Kaisat hordes and steps. Part 3. Ethnographic information]. Sankt-Peterburg: Tip. Karla Krayya, 1832. 304 p. [in Russian]

Lobacheva, 2006 – *Lobacheva N.P.* Otrazhenie etnogeneticheskoy istorii v materialnoy i dukhovnoy kulture narodov v Sredneaziatsko-Kazakhstanskogo regiona (pr materialam serediny XX veka) [Reflection of ethnogenetic history in the material and spiritual culture of the peoples of the Central Asian-Kazakhstan region (based on materials from the mid-20th century)]. *Sredneaziatskiy etnograficheskiy sbornik.* Moskva: Nauka, 2006. Vyp. V. Pp. 47–93. [in Russian]

Lobacheva, 1989 – *Lobacheva N.P.* O nekotorykh chertakh regionalnoy obshchnosti v traditsionnom kostyume narodov Sredney Azii i Kazakhstana [On some features of regional community in the traditional costume of the peoples of Central Asia and Kazakhstan]. *Traditsionnaya odezhdа narodov Sredney Azii i Kazakhstana.* Moskva: Nauka, 1989. Pp. 5–38. [in Russian]

Lyushkevich, 1989 – *Lyushkevich F.D.* Odezhdа etnicheskoy gruppy naseleniya Bukharskogo oazisa i prilgayushchikh k nemu rayonov. Pervaya polovina KhKh v. (Opyt sravnitelnoy kharakteristiki) [Clothing of the ethnic group of the Bukhara oasis and adjacent areas. First half of the 19th century. (An attempt at comparative characteristics)]. *Traditsionnaya odezhdа narodov Sredney Azii i Kazakhstana.* Moskva: Nauka, 1989. Pp. 107–139. [in Russian]

Masanov, 2011 – *Masanov N.E.* Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovy zhiznedeyatelnosti nomadnogo obshchestva [Nomadic civilization of the Kazakhs: the foundations of the life of a nomadic society]. Izd. 2-e, dop. Sost. L.E. Masanova, I.V. Erofeeva. Almaty: Rrint-S, 2011. 740 p. [in Russian]

Materialy dlya geografii..., 1868 – *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami generalnogo shtaba. Oblast sibirskikh kirgizov. Ch. III. Sostavil podpolkovnik genshtaba Krasovskiy* [Materials for the geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Oblast of the Siberian Kirghiz. Part III. Compiled by Lieutenant Colonel of the General Staff Krasovsky]. Sankt-Peterburg. Tip. Transhelya, Retgera i Shpeydera, 1868. 270 p. [in Russian]

Matskevich, 1929 – *Matskevich N.N.* Sravnitel'naya dlina kochevok kazakhskogo naseleniya byvshey Semipalatinskoy gubernii (s kartoy) [Comparative length of migrations of the Kazakh population of the former Semipalatinsk province (with map)]. *Zapiski Semipalatinskogo otdela Obshchestva izucheniya Kazakstana.* 1929. T. 1. Vyp. XVIII. Pp. 1–33. [in Russian]

Nazarov, 1890 – *Nazarov N.S.* K etnografii bashkir [Towards the ethnography of the Bashkirs]. *Etnograficheskoe obozrenie.* 1890. № 1. Pp. 164–192. [in Russian]

Nebolsin, 1852 – *Nebolsin P.I.* Ocherki Volzhskogo nizovya Pavla Nebolsina [Essays on the Volga Lowlands by Pavel Nebolsin]. Sankt-Peterburga, 1852. 199 p. [in Russian]

Nurgozha, 2019 – *Nurgozha Q.* Shapan [Chapan]. *Qazaqstan tarikhy. Entsiklopediya.* Zhalpy red. basqargan Z.E. Qabyldinov. Almaty: Litera-M. ZhShS, 2019. 3-t. Pp. 681–682. [in Kazakh]

Pavlov, 1935 – *Pavlov V.N.* Krasilnye rasteniya Karatau [Dye plants of Karatau]. *Trudy Sredneaziatskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya VIII-b, Botanika. Vyp. 19.* Tashkent: Izd-vo Sredneaz gos un-ta, 1935. 43 p. [in Russian]

Pavlov, 1947 – *Pavlov N.V.* Rastitelnoe syrre Kazakhstana [Vegetable raw materials of Kazakhstan]. Moskva–Leningrad: Izd. Akad. Nauk, 1947. 552 p. [in Russian]

Pallas, 1778 – *Pallas P.* Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva [Travels through different provinces of the Russian state]. Sankt-Peterburg, 1778. T. III. 657 p. [in Russian]

Poltoratskaya, 1879 – *Poltoratskaya L.K.* Albom tipov i vidov Zapadnoy Sibiri, snyatykh L.K. Poltoratskoy [Album of types and species of Western Siberia, photographed by L.K. Poltoratskaya]. Sankt-Peterburg. 1879. Pp. 30–44. [in Russian]

Popova, Stasevich 2011 – *Popova L.F., Stasevich I.V.* Kazakhskiy kostyum v sobraniyakh Rossiyskogo etnograficheskogo muzeya i Muzeya antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) Rossiyskoy akademii nauk [Kazakh costume in the collections of the Russian Ethnographic Museum and the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences]. *Turki duniesi*. Gylymi kopshilik almanakh. Astana: Foliant, 2011. Pp. 604–627. [in Russian]

Popova, 2021 – *Popova L.F.* Odezhda i ukrasheniya [Clothing and jewelry]. *Kazakhi*. Moskva: Nauka, 2021. Pp. 411–442. [in Russian]

Potantin, 1861 – *Potantin G.N.* Zametki o Sibirskom kazachyem voyske [Notes on the Siberian Cossack Army]. *Voennyi sbornik*. 1861. № 5. Pp. 3–32. [in Russian]

Potapov, 1949 – *Potapov L.P.* Osobennosti materialnoy kultury kazakhov, obuslovlennye kochevym obrazom zhizni [Features of the material culture of the Kazakhs, determined by the nomadic way of life]. *Sbornik muzeya antropologii i etnografii*. T. KhII. Moskva – Leningrad, 1949. Pp. 43–70. [in Russian]

Prishchepova 2011 – *Prishchepova V.* K 150-letiyu so dnya rozhdeniya S.M. Dudina – fkhudozhnika, etnografa (po materialam MAE RAN) [On the 150th anniversary of the birth of SM Dudin – artist and ethnographer (based on materials from MAE RAS)]. *Antropologicheskoy Forum*. Sankt-Peterburg. 2011. № 15. Pp. 608–649. [in Russian]

Prishchepova, 2012 – *Prishchepova V.* Etnograficheskoy albom khudozhnika A. Pomerantseva [Ethnographic Album of the Artist A. Pomerantsev]. *Antropologicheskoy forum*. Sankt-Peterburg, 2012. № 17. Pp. 251–266. [in Russian]

Radlov, 1899 – *Radlov V.V.* Opyt slovary tyurkskikh narechiy [An Experience with a Dictionary of Turkic Dialects]. T. II. Ch. 1. Sankt-Peterburg: Tipogr. Imp. Akad. nauk, 1899. 1052 p. [in Russian]

Rassudova, 1989 – *Rassudova R.Ya.* Sravnitel'naya kharakteristika muzhskoy odezhdy naseleniya Fergano-Tashkentskogo regiona (XIX–XX vv.) [Comparative characteristics of men's clothing of the population of the Fergana-Tashkent region (19th–20th centuries)] *Traditsionnaya odezhda narodov Sredney Azii i Kazakhstana*. Moskva: Nauka, 1989. Pp. 139–156. [in Russian]

Raushenbakh, Zhuravleva, 1938 – *Raushenbakh Yu.O., Zhuravleva K.V.* Tabunnoe konevodstvo v Kazakhstane [Tabunnoe horse breeding in Kazakhstan]. Alma-Ata: Kazgosizdat, 1938. 154 p. [in Russian]

Rubtsov, 1934 – *Rubtsov N.I.* Dikorastushchie lekarstvennyye i pishchevye rasteniya Zapadnogo Kazakstana [Wild medicinal and food plants of Western Kazakhstan]. Alma-Ata – Moskva: Kazakstanskoe kraevoye izdanie, 1934. 32 p. [in Russian]

Rudenko, 1927 – *Rudenko S.I.* Ocherk byta kazakov basseyna rek Uila i Sagyza [An essay on the life of the Kazakhs in the Oyila and Sagyz river basins]. *Kazaki. Antropologicheskoye ocherki S.F. Baronova, A.N. Bukeykhana i S.I. Rudenko*. Leningrad, 1927. Pp. 7–32. [in Russian]

Rudenko, 1930 – *Rudenko S.I.* Ocherk byta severo-vostochnykh kazakov [An essay on the life of the North-Eastern Kazakhs]. *Materialy komissii ekspeditsionnykh issledovaniy*. Seriya Kazakhstanskaya. Vyp. 15. Leningrad, 1930. Pp. 47–48. [in Russian]

Rudenko, 1961 – *Rudenko S.I.* K voprosu o formakh skotovodcheskogo khozyaystva i o kochevnykh (dolozheno na zasedanii otdeleniya 8 oktyabrya 1958 g. [On the issue of forms of livestock farming among nomads (to be reported at the department meeting on October 8, 1958)]. *Geograficheskoye obshchestvo SSSR. Otdelenie etnografii*. Ch. I. Doklady za 1958–1961 gg. Leningrad: Rotaprint Geograf. obshch-va SSSR, 1961. Pp. 2–15. [in Russian]

Rudenko, 1962 – *Rudenko S.I.* Kultura khunnov i Noinulinskie kurgany [Khun culture and Noinulin kurgans]. Moskva-Leningrad, 1962. 206 p. [in Russian]

Rudenko, 2006 – *Rudenko S.I.* Bashkiry. Istoriko-etnograficheskoy ocherk [Bashkirs. Historical and ethnographic essay]. Ufa: Kitap, 2006. 376 p. [in Russian]

Rusyaykina, 1957 – *Rusyaykina S.P.* Uchet muzeynykh materialov dlya istoriko-etnograficheskogo atlasa Sredney Azii [Accounting of museum materials for the historical and ethnographic atlas of Central Asia]. *Kratkoye soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR*. 1957. T. 26. Pp. 54–57. [in Russian]

Rychkov, 1762a – *Rychkov P.I.* Topografiya Orenburgskaya, to est obstayatelnoye opisanie Orenburgskoy gubernii [Orenburg topography, that is, a detailed description of the Orenburg province]. Sankt-Peterburg: Imp. Akad. nauk, 1762. Ch. 1. 262 p. [in Russian]

Rychkov, 1762b – *Rychkov P.I.* Topografiya Orenburgskaya, to est obstayatelnoe opisanie Orenburgskoy gubernii [Orenburg topography, that is, a detailed description of the Orenburg province]. Sankt-Peterburg: Imp. Akad. nauk, 1762. Ch. 2. 331 p. [in Russian]

Ryabinin, 1905a – *Ryabinin A.N.* Po prikaspiyskim stepyam i Ustyurtu – ot reki Urala do ustya Amudari (Putevye nablyudniya 1899 g.) gornogo inzhenera A.N Ryabinina [Along the Caspian steps and Ustyurt – from the Ural River to the mouth of the Amu Darya (Travel observations 1899) by mining engineer A. N. Ryabinin]. *Gornyy zhurnal*. 1905. № 1. Pp. 104–127. [in Russian]

Ryabinin, 1905b – *Ryabinin A.N.* Po prikaspiyskim stepyam i Ustyurtu – ot reki Urala do ustya Amudari (Putevye nablyudniya 1899 g.) gornogo inzhenera A.N Ryabinina [Along the Caspian steps and Ustyurt – from the Ural River to the mouth of the Amu Darya (Travel observations 1899) by mining engineer A. N. Ryabinin]. *Gornyy zhurnal*. 1905. № 2. Pp. 242–272. [in Russian]

Sabitov, 1946 – *Sabitov N.* Ob itogakh raboty etnograficheskoy ekspeditsii 1946 g. sektora etnografii [On the results of the work of the ethnographic expedition of 1946 of the ethnography sector]. *Institut istorii AN KazSSR. Seriya istorii. Vyp. 4.* Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR, 1948. Pp. 116–118. [in Russian]

Sabitov, 1950 – *Sabitov N.* Ob etnograficheskoy ekspeditsii 1949-1950 gg. po izucheniyu kultury i byta kazakhskogo kolkhoznogo aula [About the ethnographic expedition of 1949-1950 to study the culture and life of the Kazakh collective farm village]. *Izvestiya AN KazSSR. Seriya istoricheskaya. Vyp. 5.* Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR, 1950. Pp. 71–76. [in Russian]

Sabitov, 1952 – *Sabitov N.* Rabota po izucheniyu kultury i byta kazakhskogo aula (obzor materialov etnograficheskikh ekspeditsiy za 1946–1951 gody) [Work on the study of the culture and life of the Kazakh village (review of materials from ethnographic expeditions for 1946–1951)]. *Vestnik AN KazSSR.* Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR, 1952. № 3. Pp. 89–94. [in Russian]

Sabitov, 1953 – *Sabitov N.* Etnograficheskaya ekspeditsiya v Merkenskiy rayon Dzhambul'skoy oblasti [Ethnographic expedition to the Merkensky district of the Dzhambyl region]. *Sovetskaya etnografiya*. 1953. № 3. Pp. 196–200. [in Russian]

Sedelnikov, Bukeykhanov, Chadov, 1903 – *Sedelnikov A.N., Bukeykhanov A.N., Chadov S.D.* Istoricheskie sudby Kirgizskogo kraya i ego kulturnye uspekhi [The historical destinies of the Kyrgyz region and its cultural achievements] *Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva.* T. XVIII. Kirgizskiy kray. Pod. red. V.P. Semenova. Sankt-Peterburg: Izd. Devriena, 1903. Pp. 138–174. [in Russian]

Slovtsov, 1897 – *Slovtsov I.* Putevye zapiski, vedennye vo vremya poezdki v Kokchetavskiy uезд Akmolinskoy oblasti v 1878 g. [Travel notes taken during a trip to the Kokchetav district of the Akmola region in 1878]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskoy Russkoy geograficheskoy obshchestva.* Omsk: Tip. Okruzhnogo shtaba, 1897. Kn. XXI. Pp. 1–78. [in Russian]

Smirnov, 1892 – *Smirnov A.P.* Byt i nrawy kirgizov [Life and rights of the Kyrgyz]. Sankt-Peterburg, 1892. 27 p. [in Russian]

Solntsev, 1836 – *Solntsev F.* Odezhdy gosudarstva rossiyskogo [Clothes of the Russian state]. *Albom akvareley.* 1836 g. [in Russian]

Sosnina, 2006 – *Sosnina N., Shangina I.* Russkiy traditsionnyy kostyum: Illyustrirovannaya entsiklopediya [Russian Traditional Costume: An Illustrated Encyclopedia]. Sankt-Peterburg: Iskusstvo, 2006. 400 p. [in Russian]

Spasskiy, 1820, Ch. 9. – *Spasskiy G.* Kirgiz-kaysaki Bolshoy, Sredney i Maloy ordy [Kirghiz-Kaysaks of the Great, Middle and Little Hordes]. *Sibirskiy vestnik.* Sankt-Peterburg: Morsk. tip., 1820. Ch. 9. 152 p. [in Russian]

Spasskiy, 1820, Ch. 10 – *Spasskiy G.* Kirgiz-kaysaki Bolshoy, Sredney i Maloy ordy [Kirghiz-Kaysaks of the Great, Middle and Little Hordes]. *Sibirskiy vestnik.* Sankt-Peterburg: Morsk. tip., 1820. Ch. 10. Pp. 141–188. [in Russian]

Stasevich, 2023 – *Stasevich I.* Kazakhskie «saukele» v sobranii Peterburgskoy Kunstkamery (istoriya bytovaniya, semantika i rol v obryadovoy kulture [Kazakh "saukele" in the collection of the St. Petersburg Kunstkamera (history of use, semantics and role in ritual culture)]. *Muzeum. KZ.* 2023. № 3 (3). Pp. 106–119. [in Russian]

Sultanov, 2005 – *Sultanov T.I.* Izvestiya osmanskogo istorika XVI v. Seyfi Chelebi [The Works of the 16th-century Ottoman Historian Seyfi Çelebi]. *Tyurkologicheskiy sbornik.* 2003–2004. Tyurkskie narody v drevnosti i srednevekovye. Moskva: Vostochnaya literatura, 2005. Pp. 254–272. [in Russian]

Sukhareva, 1970 – *Sukhareva O.A.* Unikalnye obraztsy sredneaziatskoy odezhdy XVII v. [Unique examples of Central Asian clothing of the 17th century]. *Traditsionnaya kultura narodov Peredney i Sredney Azii*. Leningrad: Nauka, 1970. Pp. 101–112. [in Russian]

Sukhareva, 1979 – *Sukhareva O.A.* Opyt analiza pokroev traditsionnoy «tunikoobraznoy» sredneaziatskoy odezhdy v plane ikh istorii i evolyutsii [An attempt to analyze the cuts of traditional "tunika-like" Central Asian clothing in terms of their history and evolution]. *Kostyum narodov Sredney Azii. Istoriko-etnograficheskie ocherki*. Moskva: Nauka, 1979. Pp. 77–103. [in Russian]

Sychev, 1977 – *Sychev V.L.* Iz istorii plechevoy odezhdy narodov Tsentralnoy i Vostochnoy Azii (k problemam klassifikatsii) [From the history of shoulder clothing of the peoples of Central and East Asia (to the problems of classification)]. *Sovetskaya etnografiya*. 1977. № 3. Pp. 32–46. [in Russian]

Tolybekov, 1957 – *Tolybekov S.E.* Voprosy ekonomiki i organizatsii kochevogo skotovodcheskogo khozyaystva kazakhov v kontse XIX i nachale XX vekov [Issues of economics and organization of nomadic cattle-breeding economy of the Kazakhs in the late 19th and early 20th centuries]. *Trudy instituta ekonomiki*. Alma-Ata: Nauka, 1957. T. II. Pp. 3–91. [in Russian]

Tolybekov, 1971 – *Tolybekov S.E.* Kochevoe obshchestvo kazakhov v XVII– nachalo KhKh veka. Politiko-ekonomicheskiy analiz [Nomadic society of the Kazakhs in the 17th – early 20th centuries. Political and economic analysis]. Alma-Ata: Nauka, 1971. 636 p. [in Russian]

Traditsionnaya odezhda kazakhov, 2009 – Traditsionnaya odezhda kazakhov. Nauchnyy katalog [Traditional Kazakh Clothing. Research Catalog]. Nauchn. red. i avtor predisl. prof. N. Alimbay. Almaty: Oner, 2009. 344 p. [in Russian]

Terner, 1983 – *Terner Viktor*. Simvol i ritual [Symbol and ritual]. Moskva: Nauka, 1983. 277 p. [in Russian]

Uali, 2017a – *Uali N.* Bes zhaqsy [five good things]. *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya*. Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 1-t. Pp. 642–643. [in Kazakh]

Uali, 2017b – *Uali. N.* Kindik sheshe [godmother]. *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya*. Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 3-t. Pp. 451. [in Kazakh]

Uali, 2017 – *Uali. N.* Ilu [Ilu] *Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya*. Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 5-t. Pp. 739–740. [in Kazakh]

Falk, 1824 – *Falk I.P.* Polnoe sobranie uchenykh puteshestviy po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoyu Akademiyey Nauk, po predlozheniyu ee prezidenta, s prim., izyasn. i dopoln. [A complete collection of scholarly travels across Russia, published by the Imperial Academy of Sciences, at the suggestion of its president, with primers, clarifications, and supplements]. T.6. Zapiski puteshestviya akademika Falka. Per. s nem. P. Petrova. Sankt-Peterburg: Pri Imp. Akad. nauk, 1824. 559 p. [in Russian]

Fedorovich, 1950 – *Fedorovich B.A.* Lik pustyni [Face of the Desert]. Moskva: Gos. izd. kultprosvet. lit., 1950. 248 p. [in Russian]

Chesnov, 1998 – *Chesnov Ya.V.* Leksii po istoricheskoy etnologii: uchebnoe posobie [Lectures on Historical Ethnology: A Textbook]. Moskva: Gardarika, 1998. 400 p. [in Russian]

Chudinov, 1910 – *Chudinov A.N.* Slovar inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka. Materialy dlya leksicheskoy razrabotki zaimstvovannykh slov v russkoy literaturnoy rechi [Dictionary of foreign words incorporated into the Russian language. Materials for the lexical development of borrowed words in Russian literary speech]. Sostavlen pod redaktsiye A.N.Chudinova. Izdanie tretye, tshchatelno ispravlennoe i znachitelno dopolnennoe (bolee 5000 novykh slov) preimushchestvenno sotsialno-politicheskimi terminami, voshedshimi v zhizn v poslednie gody. Sankt-Peterburg: Izd. V.I. Gubinskogo. 1910. 676 p. [in Russian]

Shvetsov, 1926 – *Shvetsov S.P.* Priroda i byt Kazakstana [Nature and life of Kazakhstan] *Kazakskoe khozyaystvo v ego estestvenno-istoricheskikh usloviyakh. Materialy po vyrabotke norm zemelnogo ustroystva v Kazakskoy Avton. Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respublike*. Pod red. S.I. Shvetsova. Narodnyy Komissariat Zemledeliya Kazakskoy Avtonomnoy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respubliki. 1926. Leningrad: Tip. Akademii khudzhestv. 1926. Pp. 93–105. [in Russian]

Shevtsova, 2006 – *Shevtsova A.A.* Kazakhskiy traditsionnyy svadebnyy kostyum [Kazakh traditional wedding costume]. *Sredneaziatskiy etnograficheskiy sbornik*. Moskva: Nauka, 2006. Pp. 34–46. [in Russian].

Shoybekov, 2017 – *Shoybekov R. Zere* [Zere] *Qazaqtyn etnografiyalyq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dasturli zhuyesi. Entsiklopediya*. Gyl. red. zhane zhoba zhetekshisi N. Alimbay. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 3-t. Pp. 49–50. [in Kazakh]

Fon Gern, 1898 – *Fon Gern*. VI. Kirgizskoe udalstvo: ugon skota. Iz zapisnoy knizhki [Kyrgyz Pleasure: Cattle Rustling. From a Notebook]. *Pamyatnaya knizhka Semipalatinskoy oblasti na 1898 g.* Semipalatinsk. 1898. Pp. 55–64. [in Russian]

Fon Shvarts, 2006 – *Fon Shvarts F.* Turkestan – vetka indogermanskikh narodov [Turkestan is a branch of the Indo-German peoples]. *Istoriya Kazakhstana v zapadnykh istochnikakh XII–XX vv. V X tomakh. t. V. Nemetskie issledovateli v Kazakhstane*. Ch. 1. Almaty: Sanat, 2006. Pp. 175–239. [in Russian]

Yudin, 1992 – *Yudin V.P.* Ordy: belaya, sinyaya, seraya, zolotaya... [Hordes: white, blue, gray, golden...]. *Utemish-khadzhi. Chingiz-name*. Faksim., per., transkr., tekstol. primech., issledovanie V.P. Yudina. Kommentarii i ukazateli M.Kh. Abuseitovoy. Alma-Ata: Fylym, 1992. Pp. 14–56. [in Russian]

Yarygin, Sarsambekova, Shaymerdinova, 1951 – *Yarygin S.A., Sarsambekova A.S., Shaymerdinova N.G.* Traditsionnyy kostyum v sisteme znakovoy reprezentatsii vlasti kochevnikov evrazii pervoy poloviny I tysyacheletiya [Traditional costume in the system of symbolic representation of power among the Eurasian nomads of the first half of the 1st millennium]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Istoriya. 2018. № 51. Pp. 131–142. [in Russian]

МАЗМУНЫ/СОДЕРЖАНИЕ/CONTENT
 ОТАН ТАРИХЫ. 2026. Т. 29. № 2

Мамытова С.Н. ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА ПАВЛОДАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ В 1930–1940-Е ГОДЫ.....	429
Ахметжан К.С. ТИПОЛОГИЯ ТРАДИЦИОННЫХ НАВЕРШИЙ КАЗАХСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ И ВОЕННЫХ ЗНАМЕН.....	447
Бабаджанов Б.М., Нурманова А.Ш. «ЖЕЛЕЗНАЯ ПАМЯТЬ» ЗА «ЖЕЛЕЗНЫМ ЗАНАВЕСОМ»: КАЗАХСКИЕ НАДГРОБИЯ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ КАК МАРКЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ.....	473
Yergali S.A., Kolukisa H., Shaldarbekova A.B. THE INSTITUTION OF «ZHETI ATA» IN KAZAKH SOCIETY AS A MECHANISM OF SOCIAL REGULATION AND KINSHIP ORGANIZATION.....	488
Toraigyrov Ye.M. TOPICAL ISSUES OF THE IRTYSH TEN-VERST STRIP IN THE WORKS OF MODERN TIMES.....	502
Абуов Н.А., Картова З.К., Алимжанов А.Х. УСЛОВИЯ ПРЕБЫВАНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ФАШИСТСКОМ ПЛЕНУ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ.....	516
Әуелбеков М.Б., Бахар Х. XII–XV ҒАСЫРЛАРДАҒЫ ОҢТҮСТІК ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ УРБАНИЗАЦИЯ ҮДЕРІСІ ЖӘНЕ ОНЫҢ ТАРИХИ МАҢЫЗЫ.....	533
Черниенко Д.А. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ Х.А. АРГЫНБАЕВА В ПИСЬМАХ ЕГО КОЛЛЕГ-ЭТНОГРАФОВ.....	548
Iskakova G.Z., Assylbekova A.Z. SHAKARIM KUDAIBERDIULY AND KAZAKH NATIONAL MEMORY	564
Құндызбай Д.Қ., Кенжебаев Ғ.Қ. ҚАЗАҚТАРДЫҢ ЖЕТІСУ ӨҢІРІНЕН ҚЫТАЙҒА БОСҚЫНШЫЛЫҒЫ (XX Ғ. 30 ЖЖ.).....	576
Конкабаева Н.Н., Абдрахманова К.Х. О ТРАКТОВКЕ ЛЕКСЕМ «ТЕНГРИ», «УМАЙ» В КОНТЕКСТЕ ВЕРОВАНИЙ МАМЛЮКОВ-КЫПЧАКОВ В XI–XIV ВЕКАХ.....	590

Сулейменова А.Т. ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ПАРТИЯЛЫҚ БАҚЫЛАУ ОРГАНДАРЫНЫҢ 1920–1930-ЖЫЛДАРДАҒЫ «ПАРТИЯЛЫҚ ТАЗАЛАУЛАР» КЕЗІНДЕГІ ҚЫЗМЕТІ.....	602
Молотова Г.М. ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТЮРКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (НА ОСНОВЕ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ XII–XIII ВЕКОВ).....	619
Мейрманова Г.А., Бейсегулова А.Қ., Алдекен А.С. ҚАЛЫҢМАЛ – ҚАЗАҚ ҚОҒАМЫНДАҒЫ ҚҰҚЫҚТЫҚ ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК ИНСТИТУТ: ТАРИХЫ МЕН ҚАЗІРГІ ЖАҒДАЙЫ.....	629
Алимбай Н. ОДЕЖДА КАЗАХОВ-КОЧЕВНИКОВ (XVIII – ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ).....	642
Бахтыбаев М.М., Қожас М.Б., Сиздиков Б.С. ГОРОДИЩЕ СЫГАНАК: ДАТИРОВКА ПАМЯТНИКА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАДИОУГЛЕРОДНОГО АНАЛИЗА.....	695
Шынтаев Н.А., Мусабалина Г.Т., Джолдыбаев Ж.Т. ШЫМКЕНТ ҚАЛАСЫ ТҮРҒЫНДАРЫНЫҢ КҮНДЕЛІКТІ ӨМІРІ: ПОСТКЕҢЕСТІК КЕЗЕҢДЕГІ ӘЛЕУМЕТТІК- ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ӨЗГЕРІСТЕР (1991–2023 ЖЖ).....	713
Шашаева М.А. ЖАЗЫҚСЫЗ ЖАЗАЛАНҒАНДАР: «ОТАН САТҚЫНДАРЫНЫҢ ОТБАСЫ МҮШЕЛЕРІ ТУРАЛЫ» ЗАҢЫНЫҢ ӘЙЕЛДЕР ТАҒДЫРЫНА ТИГІЗГЕН АУЫР ӘСЕРІ.....	724
Шолахов М.Г., Габдусалимова М.Г. АНАЛИЗ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ОБ ЕДИГЕ.....	735
Есен С.Ғ. МӘЛЕНБЕРЛІ ҚОРЫМЫ: ЭТНОАРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУ.....	755
Жетібаев К.М., Қожас М.Б., Әлімбекұлы Ә. ҚҰЙРЫҚТӨБЕ (КЕДЕР) ҚАЛАСЫНЫҢ РАБАД АУМАҒЫНДА ЖҮРГІЗІЛГЕН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР.....	764
Муратбаева А.Б. ҚАРАҚАЛПАҚСТАНДАҒЫ ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ МӘДЕНИ ОРТАЛЫҒЫНЫҢ ҚАЛЫПТАСУЫ МЕН ҚЫЗМЕТІ: ТАРИХИ-МӘДЕНИ АСПЕКТ.....	777

- Оспанова Д.К., Тебаев Д.Б., Мағауянов Д.А.**
ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА ҮКІМЕТТІК ЕМЕС
ҰЙЫМДАРДЫҢ 1991–2011 ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ
ДАМУ ТАРИХЫНЫҢ КЕЙБІР АСПЕКТІЛЕРІ.....787
- Қуанбай О.Б. Мурзаходжаев Қ.М.**
ЖАПОНИЯ МЕН ҚАЗАҚСТАННЫҢ ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ
ДАМУ ҮРДІСТЕРІ БАҚ БЕТТЕРІ НЕГІЗІНДЕ (1990–2025).....805
- Алибек С.Н., Кудайбергенова А.И., Тажмуханова Н.Е.**
РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА СТАЛИНА В ПЕРИОД
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ И РАСКУЛАЧИВАНИЯ КАК
ТРАГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ГОРОДА ЧИМКЕНТА И ТУРКЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ).....817
- Жүсінов Р.Б., Нұрышева Г.К.**
1920–1930 ЖЫЛДАРДАҒЫ ҚОСТАНАЙ ӨңІРІНДЕГІ
ДІНИ БІРЛЕСТІКТЕРГЕ ҚАТЫСТЫ КЕҢЕС ӨКІМЕТІНІҢ
САЯСАТЫ (АРХИВ ДЕРЕКТЕРІ НЕГІЗІНДЕ).....833
- Қозыбаева М.М., Жалмағамбетов Е.Ә.**
КЕҢЕСТІК ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ АЗАМАТТЫҚ
ҚҰҚЫҚТАРДАН АЙЫРУ ТӘЖІРИБЕСІ: «АЙЫРЫЛҒАНДАР»
МЕН «ҚҰҚЫҚСЫЗДАР» КАТЕГОРИЯЛАРЫ.....851
- Хазретәліқызы Р., Тұрсұн Х.М., Сайлаубай Е.Е.**
МІРӘЛШЕР СЕРАЛИЕВТІҢ ҚОҒАМДЫҚ-САЯСИ
ҚЫЗМЕТІ МЕН МҰСТАФА ШОҚАЙМЕН
БАЙЛАНЫСЫ АРХИВТІК-ТЕРГЕУ МАТЕРИАЛДАРЫ НЕГІЗІНДЕ.....866
- Калыбекова М.Ч., Чакенова Б.А.**
КАЗАХИ-ВРАЧИ И ИХ ОБЩЕСТВЕННАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОНЦЕ XIX И 30-Е ГОДЫ XX ВВ.878
- Рахбаев К.К., Избасарова Г.Б.**
ҚАЗАҚТЫҢ МЕШІТ САЛУ ДӘСТҮРІНІҢ ШЫҢЫРАУ КӨЗДЕРІ
(ОРТАҒАСЫРЛЫҚ МЕШІТТЕРДІҢ ЗЕРТТЕЛУІНЕ ШОЛУ).....890
- Нурпейсова Э.Т., Байдалы Р.Ж.**
ЕЛДЕС ОМАРОВТЫҢ ӨМІРІ МЕН ҚЫЗМЕТІНЕ ДЕРЕКТАНУЛЫҚ ТАЛДАУ.....915
- Alpysbes M.A., Arkhymatayeva A.Zh., Kara A.**
THE INFLUENCE OF THE NATIONAL IDEA ‘OYAN, QAZAQ!’
ON THE SOCIO-POLITICAL THOUGHT OF EASTERN COUNTRIES.....926
- Kochiyev E.R., Kabuldinov Z.E., Aydingün A.**
THEORIES OF DIASPORAL ETHNIC IDENTITY
IN CONTEMPORARY WESTERN HISTORIOGRAPHY (2000–2025).....939

Ш.Ш. Уәлиханов ат. Тарих және этнология институты
Алматы қ., Шевченко көш., 28
Тел/факс: +7 727 261 67 19
e-mail: kazhistory@bk.ru
